

Плавучий театр

Автор:

Эдна Фербер

Плавучий театр

Эдна Фербер

Женский роман

Роман Эдны Фербер «рассказывает о плавучем палас-театре «Цвет Хлопка» начиная с 1880-х годов и до гламурной эпохи джаза 1920-х. Семья актеров посвящает свою жизнь тому, чтобы привнести волшебство театра в маленькие городки на берегах реки Миссисипи. Судьба героев переменчива и драматична – это история любви, трудностей, расовых предрассудков и эволюции театра.

Эдна Фербер

Плавучий театр

EDNA FERBER

«SHOW BOAT», 1926

(перевод с английского: М. Волосов)

© Издательский Дом «СОЮЗ»

Глава первая

Ким Равенель – особа своеобразная, как и ее имя, – часто заявляла: «Как я благодарна судьбе за то, что она не позволила родственникам дать мне имя еще более нелепое!» И было за что благодарить судьбу. Ее чуть не назвали «Миссисипи».

– Миссисипи Равенель! Можете ли вы представить себе что-нибудь более ужасное? – говорила она. – Уменьшительное имя было бы, конечно, Мисси или Сиппи. Мне пришлось бы бросить сцену или, в крайнем случае, взять псевдоним. В самом деле, разве можно требовать серьезного отношения к актрисе с именем Сиппи? Уж и Ким звучит достаточно скверно!

Впрочем, она привыкла к своему «скверному» имени. Это нелепое односложное имя было составлено из первых букв названий трех штатов – Кентукки, Иллинойса и Миссури. Как это ни неправдоподобно, она действительно родилась во всех этих трех штатах одновременно, если, разумеется, исходить из того, что она вообще родилась в каком бы то ни было штате. Мать ее всегда утверждала противное. Если в девяностых годах прошлого столетия вам случалось бывать в Чикаго, вы, может быть, вспомните мать Ким, Магнолию Равенель, пользовавшуюся в то время известностью. Правда, она была знаменита не до такой степени, чтобы ее портреты красовались на папиросных коробках. Не надо забывать, что то была эпоха, когда женскую красоту оценивали пропорционально пышности форм. Будучи тоненькой и хрупкой, Магнолия Равенель не удостоилась звания красавицы и дивы.

И только благодаря тому, что эта самая Магнолия Равенель лишилась на некоторое время дара речи, новорожденную Ким не назвали именем, содержащим больше гласных и согласных, чем какое-либо другое имя. Матери хотелось назвать ее Миссисипи, в честь дикой, необузданной реки, на которой она провела свою раннюю юность и которая имела над ней такую громадную власть.

Роды Магнолии походили на средневековую пытку еще больше, чем обыкновенные роды. Ким Равенель появилась на свет в пять часов ужасного

апрельского утра тысяча восемьсот восемьдесят девятого года прямо на середине реки Миссисипи, разлившейся и затопившей побережье на протяжении нескольких миль. Плавающий театр стоял в это время в так называемом Малом Египте, близ Каира, в Иллинойсе, там, где желтые воды Миссисипи встречались с оливково-зелеными водами Огайо.

Из окна своей комнаты на «Цветке Хлопка» Магнолия Равенель могла бы видеть туманные очертания побережий целых трех штатов: Иллинойса, к глинистым берегам которого все время прибывало театр; Миссури, спрятавшегося за густой пеленой дождя, и, наконец, Кентукки. Но Магнолия ничего не видела. Она лежала с закрытыми глазами, потому что не в состоянии была поднять веки. Штаты и берега не интересовали ее. И уж если какие-то берега и были ей близки в эту минуту, то это были берега той страны, откуда не возвращаются и куда она, отнюдь не желая этого, чуть не попала. В измученном лице ее не было ни кровинки. В эту минуту она удивительно напоминала цветок, название которого стало ее именем. Только сейчас этот белый цветок готов был увянуть.

Потоки дождя вливались в гневно пенящуюся реку. В мрачном сумраке рассвета она рвалась, кружилась и прыгала, подкатываясь к плавающему театру; волны как будто отвешивали ему сумасшедшие поклоны, на которые он в свою очередь величественно отвечал, покачиваясь на якорях. Гонимые бурей, мимо него проносились громадные деревья, вырванные с корнем и судорожно цеплявшиеся за воду окоченелыми мертвыми руками; бревна летели с такой быстротой, словно ими выстрелили из какого-то гигантского лука; трупы животных, страшные в своей неподвижности; разломанные паромы; рояль, белые клавиши которого напоминали оскал мертвеца; целая хижина, трепещущая отплясывавшая фантастический менуэт; заборы; изящное кресло; живой баран, жалобно блеявший, а потом замолкший; курятники; кровать, по прихоти наводнения сохранившая свой первоначальный вид. Будто разъяренная, бешеная, кровожадная тигрица, Миссисипи била громадным хвостом, рвала зубами все, что попадалось на ее пути, и глубоко вонзала когти в берег. В ее бездонной пасти исчезали дома, животные и даже люди. Воздух дрожал от ее ужасного рева.

В комнате Магнолии Равенель было тихо, тепло и светло.

В маленькой пузатой печке весело потрескивали дрова. Склонившись над нею, пожилая женщина, типа Сары Гемп, размешивала в кастрюльке какую-то горячую и ароматную жидкость. Делала она это очень шумно, все время

разговаривая сама с собой и время от времени поглядывая на бескровное лицо больной. Грузная фигура ее казалась еще тяжеловеснее от того тряпья, которое она напялила на себя. Основной деталью ее туалета была, по-видимому, серая фланелевая фуфайка, рукава которой торчали из-под рукавов накинута сверху мужской куртки. Форменная же двубортная куртка из синего сукна, с золотыми пуговицами и галунами, несомненно, принадлежала моряку. Кроме того, поверх красного бумазейного платья женщина нацепила легкую пеструю кофточку с сомнительной свежести кружевами и широкую кашемировую юбку. В сочетании с капитанской курткой этот наряд производил впечатление в достаточной степени комическое.

Волосы пожилой женщины были свернуты на затылке небрежным узлом. Из-под чепца выглядывали папильотки. В длинном лице ее было что-то лошадиное, оно выглядело нелепо на таком массивном торсе. Сразу чувствовалось, что особа эта весьма энергична и решительна и способна испортить настроение всякому, кто окажется хоть в малейшей мере зависимым от нее. Она принадлежала к тем людям, которые гремят всем, чем только можно греметь, швыряют все, что только можно швырять, разбивают все, что только можно разбить. Имя как нельзя более подходило к ней. Ее звали Партинья Энн Хоукс[1 - От англ. hawk – ястреб.]. Она была женой Энди Хоукса, капитана и владельца «Цветка Хлопка», и матерью Магнолии Равенель, которая только что разрешилась от бремени и теперь неподвижно лежала на постели.

Размешивая что-то в кастрюльке, она все время скребла ложкой дно, да так, что нервы всякого, даже здорового человека, недолго вынесли бы эту пытку. Ей самой, впрочем, это было нипочем, ибо нервы у нее были железные.

– Ну-ка! – начала Парти Энн Хоукс свойственным ей повелительным тоном, который вызывал инстинктивный протест даже у самых покладистых людей. – Ну-ка, сударыня, маленькое усилие воли! Изволь немедленно выпить хоть несколько ложек этого вкусного горячего крепкого бульона! Посмотри на себя! Ты похожа на выжатый лимон.

Держа в одной руке тарелку, а в другой ложку, Партинья Энн Хоукс так стремительно направилась к кровати, что умудрилась задеть несколько стульев и подняла в маленькой комнате настоящий ветер, от которого заколыхались кисейные занавески на окнах. Как и следовало ожидать, кровать она основательно тряханула.

По бледному лицу Магнолии пробежала тень страдания, но глаза она так и не открыла. Запах горячего бульона вызвал у нее невольную гримасу отвращения.

– Ну вот! Я буду кормить тебя с ложечки. Попробуй, как это вкусно! Открой рот! Открой глаза! Ну, хоть раз-то открой! Говорят тебе, открой рот! Силы небесные! Что прикажете делать с женщиной, которая даже не...

Быстро и совершенно неожиданно высунув из-под одеяла руку, Магнолия Равенель оттолкнула ложку, уже приблизившуюся к ее бледным губам. Ложка, звеня, покатила по полу. Больная облегченно вздохнула и спрятала руку под одеяло. Глаза ее по-прежнему оставались закрытыми, но на лице появилась легкая улыбка удовлетворения.

– Прекрасно, нечего сказать! Наградил меня Бог дочкой! Дикая ты кошка, вот ты кто! Зачем ты это сделала? Ты должна была поблагодарить меня за то, что я предлагаю тебе такой чудесный бульон. А знаешь ли ты, что Джо варил его несколько часов, что на него пошло целых два фунта прекрасного мяса, не говоря уже о зелени и всяких иных приправах? Знаешь ли ты, что твой отец рисковал жизнью, чтобы достать это мясо, – ему пришлось ездить в Каир в самый момент наводнения, когда вода поднималась по крайней мере на фут в час? Тебе, очевидно, мало того, что мы застряли тут? Один Господь знает, выберемся ли мы отсюда живыми! А тут еще твои фокусы! В течение всей ночи ты никому не дала сомкнуть глаз своими криками и стонами. Точно рожать так уж трудно! Производя тебя на свет, я даже не пикнула. Да, не пикнула! Какое позорное малодушие! Я нахожу, сударыня, что вы вели себя во время родов совершенно неприлично. К тому же ваш супруг все время торчал у вас в комнате! Черт знает что такое!

Легким подергиванием век Магнолия дала понять матери, что считает присутствие мужа во время родов вполне естественным, в том случае, конечно, если речь не идет о непорочном зачатии.

– Если бы ты могла только посмотреть на себя сейчас! Ты выглядишь как утонувшая крыса, только что вытащенная из воды. Ну, будь паинькой, красавица моя, съешь хоть немного этого бульона, не то...

Партинья Энн Хоукс прервала свою угрозу, чтобы наполнить бульоном ложку, которая лежала рядом на столе. Подув на нее, она поднесла ложку к губам,

проглотила содержимое, громко причмокнула и, изобразив на своем суровом лице удовольствие, повторила ту же процедуру вторично.

- Перестань капризничать, Маджи Хоукс!

Никому, кроме матери, не приходило в голову называть Магнолию Равенель «Маджи Хоукс». К ее прелестному хрупкому облику так не подходило это вульгарное имя!

Подняв брошенную Магнолией ложку, Парти Энн вытерла ее о кружева своей блузки и, с ложкой в одной руке и тарелкой в другой, вторично подошла к постели дочери. На лице больной тотчас же появилось выражение неприступности.

- Экая фокусница! - проворчала Партинья.

В эту минуту дверь открылась, и в каюту, громко разговаривая, вошли две женщины, одетые так же нелепо, как и миссис Хоукс. Первая из них двигалась решительно и быстро, и в наружности ее было что-то тяжеловесное, игривое и одновременно угрожающее. Последнему немало способствовали жесткие черные усики над верхней губой. В руках она держала какой-то сверток, покрытый фланелевым одеяльцем. Ее спутница все время заглядывала под одеяльце, поправляла его и нежным голосом что-то неразборчиво бормотала.

- Девчонка на славу! - воскликнула женщина с усиками, направляясь к Магнолии. - И миссис Минс находит это и...

Она оглянулась на бледного и крайне взволнованного молодого человека, стоявшего в дверях. Несмотря на бороду, лицо его казалось совсем юным.

- ...и доктор!

Слово «доктор» она произнесла каким-то особенно язвительным тоном. Очевидно, вполне сочувствуя ей, миссис Минс тихонько рассмеялась, а миссис Хоукс пренебрежительно фыркнула. Не могло быть никаких сомнений в том, что женщина со свертком в руках была акушерка. Как и все ее коллеги, она была преисполнена чувства собственного достоинства и требовала к себе уважения со

стороны окружающих. Подбодренная поддержкой, с которой отнеслись к ее тону, она продолжала еще более ядовито:

– Вы думаете, я шучу? Несколько минут тому назад этот самый доктор уверял меня, что ему еще никогда не случалось производить на свет более здорового и красивого ребенка.

Хихиканье миссис Минс перешло в смех. Фыркание миссис Хоукс стало оглушительным. Бледный молодой человек залился румянцем и стал смущенно теревить массивную золотую цепочку с дешевыми никелированными часами. Взгляд доктора скользнул по бледному лицу больной – бледному и нежному, как цветок, имя которого ей досталось. Между этой тоненькой, хрупкой, изящной женщиной и тремя мегерами (такими они казались ему) не было ничего общего. Вид пациентки придал мужества бедному врачу. Заложив руки за спину, он уверенно направился к кровати. И, повинувшись чуть заметному движению его руки, подергиванию плеч и, наконец, словам, все три женщины принуждены были уступить ему место.

– Одну минутку, голубушка... Пожалуйста, миссис Хоукс... будьте добры соблюдать тишину.

Акушерка со свертком в руках подвинулась к дверям. Миссис Хоукс, все еще держа в руках тарелку с бульоном, прислонилась к столу. Миссис Минс перестала хихикать и посторонилась. Достав из внутреннего кармана сюртука стетоскоп, доктор приложил его к груди больной, внимательно выслушал ее и выпрямился. Потом вынул часы, простые никелированные часы, свидетельствовавшие о его молодости и бедности, взял в свою грубую руку (он был, очевидно, сыном какого-нибудь фермера) нежную худенькую ручку Магнолии и нащупал ее пульс.

– Отлично! – сказал он. – Великолепно!

Громкое фыркание акушерки сразу лишило юношу его самоуверенности. Он весь съежился. Нежная ручка, доверчиво лежавшая в его ладони, ощутила происшедшую в нем перемену. Глаз Магнолия не открыла, но ее тонкие пальцы подбадривающе пожали его руку. Вздвогнув, юный эскулап посмотрел на нее. На бескровных губах Магнолии Равенель светилась улыбка. Что-то горестное и в то же время бесконечно светлое было в этой улыбке. Она скрадывала

широковатые скулы больной, придавала особую прелесть большому рту и делала ее ослепительно красивой. Эта солнечная улыбка выражала одновременно и сочувствие, и предостережение. Женщина, только что перенесшая муки родов, старалась подбодрить человека, неопытность и неловкость которого едва не стоили ей жизни. То, что она нашла в себе силы улыбнуться, лишней раз доказывало, что дух способен одерживать победы над плотью. Казалось совершенно невероятным, что она сочла необходимым сделать такое усилие ради незнакомого и к тому же явно неопытного врача. Но такова уж была Магнолия Равенель. Если бы в последующие годы она дарила улыбки кому следует, жизнь ее сложилась бы совсем иначе. Но расчет и благоразумие были чужды Магнолии. И в этом отношении она была похожа на свою любимую Миссисипи.

А Миссисипи словно сорвалась с цепи. Она уничтожала все на своем пути, она, забавляясь, сметала препятствия, воздвигнутые руками людей, погребая в своих водах города, пристани и берега, и неудержимо, весело и бесшабашно мчалась вперед. Она как будто издевалась и над природой, и над жалкими человеческими существами: над Магнолией Равенель, только что пережившей ужасные муки и так близко заглянувшей в лицо смерти, над ее отцом, капитаном Энди Хоуксом, над ее матерью, Партиньей Энн Хоукс, над мужем, Гайлордом Равенелем, над всей труппой «Цветка Хлопка» и в особенности над самим плавучим театром, жалкой скорлупкой, мотавшейся из стороны в сторону и жалобно стонавшей в мощных объятиях яростных волн. В этот день все обитатели «Цветка Хлопка» чувствовали себя вконец измотанными. Виной этому были необычный разлив Миссисипи и роды Магнолии – два вот таких явления природы. Впрочем, говоря по правде, главной причиной несчастий этого дня была, как и всегда, просто человеческая глупость.

Имея за плечами тридцатипятилетний стаж командования парусными судами и пакетботами, капитан Энди Хоукс в совершенстве изучил и великую Миссисипи с ее притоками. После того как сгорел старый «Цветок Хлопка», Энди заказал кораблестроительному заводу в Сент-Луисе новый, который предполагалось спустить на воду в феврале. Но произошла задержка. Энди был вне себя. В марте он рассчитывал уже быть со своим новым театром в Новом Орлеане. Все было готово к турне: труппа, оркестр, новые красные куртки музыкантов, новая паровая сирена, пронзительный звук которой был слышен на расстоянии нескольких миль. Капитан Энди предполагал начать регулярные спектакли от селения Тэш. Ему просто не терпелось пуститься в путь. Буксирный пароход «Молли Эйбл» тоже, по-видимому, с нетерпением ждал той минуты, когда ему, наконец, придется толкать «Цветок Хлопка». Если бы завод в Сент-Луисе

исполнил заказ своевременно, плавучий театр несся бы уже по реке, с развевающимися флагами, щеголяя пронзительной сиреной, гремя оркестром, останавливаясь в каждом маленьком городишке, начиная от Нового Орлеана и кончая Батон-Ружем. Оттуда капитан Энди рассчитывал направиться в угольный район, на реки Мононгаэллу и Канауа, а потом опять вернуться в Новый Орлеан. Маршрут плавучего театра был составлен с учетом времени сбора урожаяев: сперва он объезжал хлебный район, потом хлопковый, потом районы сахарного тростника, потом опять возвращался на север, где к тому времени уже желтела пшеница, поспевали помидоры, яблоки, персики и груши.

На этот раз «Цветок Хлопка» двинулся в путь только в апреле. Зато какой он был нарядный! Он так и сиял, по борту шла надпись высотой в два фута:

«ЦВЕТОК ХЛОПКА»

Плавучий Театр капитана Хоукса

При виде своего нового плавучего театра капитан Энди Хоукс пришел в такой восторг, что совершенно забыл о благоразумии и решил проделать весь тот маршрут, который был намечен в расчете на раннее отплытие. Капитан Энди Хоукс, маленький, подвижный и нервный, постоянно подергивал свои темные бачки, торчавшие, словно щетина, по обеим сторонам его лица, которое оказывалось погребенным под белой полотняной фуражкой с большим козырьком, слишком большой для него и напозавшей даже на уши. Костюм его состоял из белых полотняных брюк и двубортной синей куртки. Красотой Энди Хоукс отнюдь не блистал, но был весьма привлекательным: его большие черные глаза весело поблескивали, движения были ловки и быстры. Говорил он почти скороговоркой. Признаться, он был очень похож на забавную маленькую обезьянку.

Своим «Цветком Хлопка» он любовался, как мало кто из женихов любит невестой. И, яростно теребя бачки, он заявлял:

– Река не разольется раньше июня!..

Под рекой он разумел красно-бурую тигрицу Миссисипи, которую он знал как свои пять пальцев.

– На севере в этом году почти не было снега, – объявил он. – Ни снега, ни дождей. Да-с! Если мы сейчас же двинемся по направлению к Новому Орлеану, нам удастся обогнать «Сенсацию» Френча. (Френч был главным конкурентом Хоукса.) Вот будет здорово! Ему придется все время наслаждаться видом нашей кормы!

Итак, плавучий театр двинулся в путь в апреле. Тигрица казалась такой смирной и кроткой! Легкая рябь на поверхности реки напоминала игру мускулов под золотистой шкурой. И то, что капитан Энди доверился этому предательскому спокойствию, было первой роковой ошибкой.

Вторая ошибка была несколько иного рода. Все обитатели «Цветка Хлопка» были твердо убеждены в том, что у Магнолии Равенель родится мальчик. Миссис Хоукс и остальные замужние женщины в театре уверяли, что видят много соответствующих признаков. Их вычисления, во время которых пускались в ход пальцы на обеих руках – август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и так далее, – неизменно приводили к одному и тому же выводу, а именно, что ребенок родится не раньше самого конца апреля. А к концу апреля плавучий театр уже должен был быть в Новом Орлеане, где Магнолию можно будет поместить в лучшую больницу. В течение двух-трех недель ее должна была заменить одна из актрис «Цветка Хлопка». Окрепнув немного, Магнолия собиралась играть по-прежнему.

С самого начала их плавания начались дожди. Не короткие апрельские дожди, а страшные ливни, размывающие берег и увлекающие за собой громадные глыбы глины, от которой с каждым днем река становилась все желтее. Дни и ночи напролет шел дождь. И дни, и ночи напролет таял на севере снег, образуя ручьи, потоки, реки, которые стремительно неслись по прибрежной местности, неизменно находя дорогу к матери своей Миссисипи, призывно рокочущей вдалеке. И Миссисипи ширилась, росла, вздувалась и становилась с каждым днем все более дикой и грозной.

Жители маленьких городов Иллинойса и Миссури, ничего не видевшие в течение зимы, кроме своих ферм, лавок и школ, изголодавшиеся по развлечениям, с трудом все-таки, но решились на посещения плавучего театра. Весть о прибытии «Цветка Хлопка» распространилась задолго до его остановки в определенном

местечке. Когда раздавался пронзительный вой паровой сирены и на реке появлялся, наконец, плавучий театр, подталкиваемый кудхтающим, словно курица, буксирным пароходом «Молли Эйбл», города и селения начинали волноваться. Но этой весной дороги превратились в непроходимые болота. Телеги вязли в жидкой грязи. Повсюду виднелись шесты с надписями «Опасно!». Музыканты «Оркестра из Десяти Парней» (на самом деле их было только шесть) не решались идти в своих новых красных куртках с золотыми галунами и пуговицами по залитым водой улицам, по которым и местные-то жители ходили с трудом. Уныние царило в плавучем театре. Даже по вечерам, когда в зрительном зале на шестьсот человек (Тысяча мест! Роскошный плавучий театр! Вне конкуренции!) зажигали целых сто ламп, уныние не рассеивалось. Обыкновенно факелы на длинных шестах, которые устанавливались на берегу для удобства публики, горели ярко и торжественно. Теперь они были едва видны. Даже в тех случаях, когда на афишах были «Сент Эльма» и «Ист Линн», пьесы, пользовавшиеся обычно громадным успехом и проходившие с аншлагом, в театре были заняты только самые дешевые места. Жители прибрежных районов, умудренные прошлым горьким опытом и столько раз уже страдавшие от причуд буйного желтого чудовища, покорно ждали неизбежной катастрофы.

Капитан Энди Хоукс беспрестанно теребил свои бачки, изучая небо и то и дело посматривая на бурную воду.

– Надо спешить в Каир, – сказал он наконец. – На всех парах! Не нравится мне что-то эта желтая змея.

Капитан Энди отлично знал, что спешить на всех парах в Каир или в какое бы то ни было другое место невозможно, ибо река полна затонувших деревьев, а течение ее и в тихую погоду ежедневно меняет направление. Как бы то ни было, «Цветок Хлопка» осторожно двинулся к Каиру. Жирардо, Грэй, Коммерс... И вдруг, под вечер, ненадолго выглянуло солнце. У всех радостно забилося сердце. Все стали убеждать друг друга, что полоса дождей позади. В этот вечер должны были играть – удивительное совпадение – «Бурю и солнце», одну из наиболее популярных пьес. Как того требовала тогдашняя мода, Магнолия туго затянулась в высокий корсет и надела золотистый парик, полагавшийся ей по роли. По скользкому, размытому дождями глинистому берегу, освещенному факелами, спускались горожане, спешившие в театр, фойе и коридоры которого сразу покрылись следами их грязных башмаков. Публика на этот раз собралась довольно дикая. Заходящее солнце бросало на плавучий театр зловещие красноватые лучи, а с северо-запада надвигались угрожающие тучи. Душный

воздух был как будто насыщен электричеством. Во время последнего действия послышалось свистящее завывание северного ветра и маленькие волны с белыми гребешками стали яростно биться о корпус судна. Вдруг в небе промелькнул ослепительный зигзаг молнии, раздался гулкой удар грома, и дождь полил как из ведра; тяжелые капли его, словно дробь, грузно падали в реку. Встревоженная публика бегом помчалась из театра на скользкий крутой берег. Говорят, за одни эти сутки вода поднялась на семь футов. Капитан Энди Хоукс, по-прежнему теребивший свои бачки и по-прежнему надеявшийся добраться до Каира, приказал поднять сходни в тот самый момент, когда последний зритель покинул плавучий театр.

– Надо спешить в Огайо! – сказал он звенящим от возбуждения голосом. – Подъем воды в Цинциннати, Сент-Луисе, Эваксвилле и даже в Падьюке еще не доказывает, что разлилась и Огайо. Знаем мы фокусы этой старой желтой змеи! Но дело становится совсем серьезным, когда Огайо выходит из берегов. А это никогда не бывает раньше июня.

И вот они двинулись вниз по реке, по направлению к Огайо, легко скользя над шестами, которые обычно торчали из воды на шесть футов, и свободно перебираясь через пороги. Гром... молния... дождь. В природе царил хаос. Между тем в плавучем театре шла обычная жизнь и после окончания спектакля все стали готовиться ко сну. Миссис Минс, актриса на характерные роли, разогревала на маленькой спиртовке ложку густого сала, которым собиралась растереть грудь своего больного мужа. Модри Ронджер, актриса на вторые роли, допивала последнюю чашечку кофе. Берт Форбуш, без пиджака, в клетчатых брюках и вышитых ночных туфлях, раскладывал пасьянс. Все это происходило на сцене, освобожденной от декораций и превращенной в импровизированную гостиную. Миссис Хоукс успела уже удалиться в свою красивую новую спальню, находившуюся над галереей, и расчесывала свои редкие волосы, закручивая их на папильотки, – занятие, от которого она не отказалась бы, вероятно, даже накануне Страшного Суда.

Разлив реки, бури, опасности – все это были привычные явления для обитателей плавучего театра. Правда, капитан Энди редко отправлялся в путь ночью. После окончания спектакля «Цветок Хлопка» и «Молли Эйбл» большей частью спокойно отдыхали у пристани какого-нибудь маленького городка. К полуночи артисты и команда засыпали под баюкающие звуки ласкового хлюпанья воды о судно.

На этот раз, однако, всем предстояло провести бессонную ночь. Хотя «Молли Эйбл» храбро боролась с быстрым течением, положение было очень опасным. Капитану Энди Хоуксу, штурману Марку Хуперу, экипажу и артистам было не до сна. Все это, впрочем, было в порядке вещей.

Полночь застала красавца Гайлорда Равенеля в ночной рубашке и халате около дверей тещиной комнаты. Он был расстроен и взволнован. Из этой комнаты доносились душераздирающие вопли, похожие на крики умирающего животного. Магнолия Равенель не отличалась терпением и не умела молча переносить страдания. Недаром же у нее был большой артистический темперамент.

Благодаря удачным маневрам опытного Хупера, «Цветку Хлопка» удалось кое-как причалить у хлипкой пристани, недалеко от Каира. Поиски доктора в этой местности оказались безуспешными. Приходилось радоваться тому, что капитан Энди привел толстую и грубоватую акушерку, которая согласилась на опасную переправу с набережной на пароход только после того, как ей было обещано крупное вознаграждение. С трудом спускаясь со скользкого берега, она не переставала причитать и продвигалась вперед только благодаря моральной и физической поддержке нервного щупленького Энди, напоминавшего маленький речной буксир, волочащий за собой большой и неуклюжий океанский пароход.

Энди Хоукс обезумел от тревоги. Между ним и его дочерью Магнолией Равенель существовала та прочная привязанность, то глубокое понимание, которое обыкновенно бывает между мужем и дочерью неимоверно властного существа, каким была Парти Энн Хоукс.

Через час после капитана, весь промокший и забрызганный грязью, вернулся из опасной экспедиции Гайлорд Равенель в сопровождении молодого, бледного доктора, которому первый раз в жизни суждено было присутствовать при родах. Толстая акушерка, чувствовавшая себя уже как дома в комнате больной, готова была прогнать юного выскочку, авторитет которого казался ей весьма сомнительным.

Роды были очень трудные. А самый критический момент, однако, выглядел даже несколько комично. Перед рассветом, видя, что дело приближается к концу, толстая акушерка обратилась к обливающемуся потом молодому доктору со странным вопросом:

- Не пора ли ей дать табаку?

Крайне удивленный, но не решившись вместе с тем признаться в своем невежестве, доктор прибегнул к дипломатии:

- Гм... рановато. Подождем.

Прошло десять минут.

- Честное слово, пора ей дать табаку! - повторила акушерка.

- Пожалуй, - согласился доктор.

Не понимая, что она затевает, и проклиная свою неопытность, он со страхом следил за ее движениями. Прежде чем он успел остановить ее, она, к его великому изумлению и ужасу, сунула в каждую ноздрю изящного носика Магнолии по большой понюшке табаку. И тотчас же, под громкие звуки «апчхи», появилась на свет Божий Ким Равенель.

- Силы небесные! - в исступлении воскликнул юный медик. - Вы убили ее!

- Идите вы к черту, доктор! - ответила толстая акушерка.

Она сразу почувствовала голод, усталость и смертельное желание выпить чашку кофе.

- Гм... Девочка! А. все были так уверены, что будет мальчик. Никогда нельзя знать этого заранее.

Она повернулась к матери Магнолии, тяжеловесная и внушительная фигура которой, словно изваяние, стояла в ногах постели:

- Ну, миссис Хоукс... Хоукс, не правда ли? Ну, миссис Хоукс, теперь мы приведем больную в порядок. А потом я попрошу у вас чашку кофе и что-нибудь перекусить. Я всегда ем на завтрак что-нибудь мясное.

С тех пор прошло больше часа. Магнолия Равенель все еще лежала неподвижно. Она даже не взглянула на ребенка. Ее мать сочла своим долгом пожаловаться на нее присутствующим:

- Не пожелала даже притронуться к этому чудному питательному бульону! Выбила ложку у меня из рук! Да, представьте себе! Придется мне, видно, силой заставить ее съесть что-нибудь!

Юный врач возмущенно всплеснул руками:

- Ну что вы! Как можно!

Он наклонился над бледным лицом больной.

- Хоть одну ложку! - ласково прошептал он. - Один глоточек!

Магнолия не удостоила его улыбкой вторично. Он посмотрел на рассерженную миссис Хоукс, стоявшую с тарелкой в руках, и перевел взгляд на двух других женщин...

- Может быть, кому-нибудь...

Он знал, что все мужчины, как актеры, так и служащие «Молли Эйбл», находятся на палубе и отталкивают длинными шестами всевозможные предметы, несущиеся по реке. Должно быть, с ними был и Гайлорд Равенель. Ночью он часто заходил в комнату жены. Его молодое красивое лицо (слишком красивое! - отметил про себя врач) было искажено от ужаса, жалости и угрызений совести. Магнолия не переставала кричать и в присутствии мужа. Но когда он прикоснулся к ее холодным пальцам, положил руку ей на лоб и дрожащим от внутренней боли голосом сказал: «О, Нола, Нола! Я не знал, что это так страшно! Я не знал...» - она сделала усилие над собой и, призвав на помощь ту мудрость, которая перешла ей по наследству от всех женщин, имевших детей, ответила:

- Не бойся, Гай... всегда так... все благополучно... не волнуйся... все...

Тут в первый раз юный медик увидел на губах ее ту лучистую улыбку, которая показалась ему потом такой пленительной. Говоря: «Может быть, кому-

нибудь...», он думал, что молодому красивому мужу следует бросить на несколько минут свой шест и прийти на помощь больной; риск налететь на какое-нибудь бревно казался ему ничтожным в сравнении с пассивным отношением к усиливающейся слабости Магнолии.

– Что за вздор вы мелете! – не слишком вежливо воскликнула миссис Хоукс. За исключением той, которая имела на это право, все были очень резки с бедным малым. – Если уж родная мать не сможет...

Она взяла в одну руку тарелку с бульоном, в другую ложку и в третий раз подошла к Магнолии. В это время акушерка положила свой сверток на подушку, чуть ли не прямо в руки больной.

– Ведь вы будете не в силах кормить ребенка, – сказала она, – если не будете ничего есть.

Магнолия Равенель ничего не ответила. Этот вопрос, по-видимому, не интересовал ее.

Как раз в эту минуту дверь открылась и в комнату вошли те два человека, которых Магнолия Равенель любила больше всего на свете. Первым появился красивый и бледный Гайлорд Равенель, ухитрившийся казаться изящным, элегантным и веселым в такую минуту, при таких обстоятельствах и в костюме, в котором всякий другой выглядел бы непрезентабельно. За ним мелкими шажками вошел капитан Энди. Вид у него был такой же, как и двадцать четыре часа тому назад. На нем были те же мешковатые брюки, та же синяя куртка, та же фуражка с козырьком, и он все так же нервно подергивал свои бачки. И он, и его супруга, вырядившаяся в одну из его курток, выглядели в достаточной степени воинственно. Миссис Хоукс повторила мужу и зятю жалобы на Магнолию:

– Не желает бульона! И главное, ей вовсе не так плохо! Она притворяется! Если бы она была действительно так слаба, у нее не хватило бы сил быть настолько упрямой!

Гайлорд Равенель молча взял у нее тарелку и ложку. Поставив тарелку обратно на стол, он указал взглядом капитану Энди на чашку, которую, входя, заметил на умывальнике. Капитан Энди опорожнил эту чашку, тщательно вымыл ее и

наполнил горячим бульоном. Потом оба, и отец и муж, подошли к кровати. Движения их были полны неловкой и трогательной нежности. Капитан Энди Хоукс поднес чашку к самым губам Магнолии. Гай Равенель взял в ложку бульона и тихонько, каплю за каплей, влил его в рот больной. При этом он все время говорил что-то, но так тихо, что никто из присутствующих не расслышал ни слова. Шепот его был похож на ласку. За первой ложкой последовала вторая, потом третья, потом четвертая. Наконец он осторожно опустил голову Магнолии на подушку. На мертвенно-бледном, восковом лице появился легкий румянец. Она открыла глаза и посмотрела на мужа. Магнолия боготворила его. Ее измученные глаза лишней раз сказали ему это. Губы ее чуть шевельнулись. Он наклонился ближе. Она шаловливо улыбнулась:

– Всех подвела!

– Что она сказала? – с тревогой в голосе спросила миссис Хоукс, горячо любившая дочь.

Гай повернулся к ней и повторил слова Магнолии.

– О! – воскликнула Парти Энн Хоукс, смеясь. – Она хочет сказать этим, что подвела нас всех, родив девочку вместо мальчика.

Магнолия тихонько покачала головой, снова посмотрела на Равенеля, подняла указательный палец и сделала вид, что прислушивается к чему-то. Следуя ее примеру, Гайлорд поднял руку, как бы прося всех соблюдать тишину, но он так же, как и все, был в недоумении. И в наступившей тишине все ясно услышали рев, вой и шум реки, разлив которой причинил столько бед, задержав плавучий театр и ускорив роды Магнолии. Равенель сразу понял, что она хотела сказать. Первая сознательная мысль Магнолии была не о ребенке, который лежал рядом с ней. Губы ее зашевелились снова. Гай опять склонился над ней. На этот раз она произнесла только одно слово. И слово это было:

– Река.

Глава вторая

Трудно себе представить детство более бесшабашное и вольное, чем детство Магнолии Равенель, урожденной Хоукс. В восемь лет она уже могла похвастаться тем, что ей случалось тонуть (правда, ее каждый раз вытаскивали) и в самой Миссисипи, и во всех притоках ее от Мексиканского залива до Миннесоты. Делала она почти исключительно то, что обычно детям строго запрещается. Она переплывала бурные потоки, ложилась спать после полуночи, читала романы, валявшиеся в комнатах артистов, лишь изредка посещала школу, ловила рыбу, пила воду прямо из реки, самостоятельно бродила по улицам всяких экзотических городов и, наконец, постигала науку хвастовства и плутней у негров (пристани усеяны черными физиономиями так же густо, как строчка музыкальной партитуры нотными знаками). Все это Магнолия умудрялась проделывать несмотря на неизменную бдительность, а также чисто стародавеческие придирки и нравоучения своей матери. Парти Энн Хоукс была, вне сомнения, замужней женщиной, однако это не помешало ей остаться в душе старой девой; она осталась бы ею даже в случае, если бы судьба пожелала сделать ее любимейшей из жен сладострастнейшего турка. И хотя она проплавала много сезонов вместе с плавучим театром своего мужа, всемерно стараясь навести свои порядки повсюду, начиная с рубки и кончая кухней, – ей суждено было навсегда остаться непричастной к той веселой, беззаботной кочевой жизни, которую вели «плавучие» актеры. Сам факт ее присутствия в театре уже был парадоксом. По глубокому убеждению Парти Энн Хоукс, жизнь заключалась в пестрых ситцевых занавесках на кухонных окнах, выпечке хлеба, обедне по воскресеньям, всенощной по четвергам и сплетен. Представление ее о мужчинах сводилось к тому, что эти двуногие животные вечно пачкают грязными сапожищами только что вымытый пол кухни и курят трубку; последнее она находила крайне непристойным.

В юности Партия была учительницей в Массачусетсе, жила с отцом-рыбаком, в одной руке держала бразды правления домом, а другой управляла школой. Соседи считали ее образцом женских добродетелей. Но молодые парни провожали из церкви не ее, а веселых хохотушек, которые готовили, конечно, неважно, но зато умели так кокетливо опоясать голубым кушачком свою соблазнительную тоненькую талию. Партии Энн приходилось довольствоваться обществом отца.

Заехав как-то в Массачусетс, жизнерадостный щупленький Энди Хоукс попал на вечеринку к одному из своих родственников, тоже рыбаку, и познакомился сначала с отцом Партии, а потом и с ней самой. Он отведал ее воздушные булочки, румяные и хрустящие, нежные студни, острые, пикантные соленья и пышные пироги. Он выстоял немало часов у кухонных дверей, застенчиво, но

пылко глядя на нее, в то время как она суетливо сновала от стола к плите и от плиты к кладовой. Желтые щеки ее покрылись легким румянцем от жара плиты, а может быть и оттого, что на нее был устремлен горячий мужской взгляд. Маленькому пылкому Энди чудилось, что она является воплощением всего хорошего, доброго, о чем он мечтал в продолжение своей скитальческой жизни: порядка, женственности, уюта. Партинья была на семь лет старше его. Поэтому та сдержанность, с какою женщины типа Партиньи Энн относятся к мужчинам вообще, в данном случае граничила с откровенным презрением. Но все же старая сводница-природа успела бросить дрожжи в пресное тесто, каким была душа Парти Энн. Энди поведал ей, что его настоящее имя – Андрэ, ибо по материнской линии он происходит от рыбаков-басков, что его родина в Сен-Жан-де-Люсе, в Нижних Пиренеях. По всей вероятности, так это и было и сказывалось в смуглости его кожи, в яркости карих глаз, в его непосредственности и живости. Когда он впервые поцеловал свою солидную, костлявую англосаксонскую невесту, его поразила та энергия, с какою она возвратила ему поцелуй.

Поженившись, они поехали в Иллинойс и поселились в маленьком городке Фивы, на берегу Миссисипи. В родном поселке Партиньи обратили внимание на то, что после их отъезда старик отец ее пустился в истинную вакханалию распущенности, завалил кухню грязной посудой, закоптил все котлы и сковородки, целую неделю спал на неприбранной постели, без усталости жевал табак и плевался, где хотел и сколько ему было угодно. Один из его соседей будто бы даже видел, как он, сидя за маленьким органом, трубы которого привыкли воспроизводить только церковные гимны, наигрывал одним пальцем какие-то непристойные песенки. Прожив свободно и счастливо целый год, старый рыбак умер.

Поначалу штурману, а впоследствии владельцу и капитану грузопассажирского парохода, капитану Энди сравнительно редко доводилось испачкать чистые полы и прокоптить табачным дымом оконные занавески. В течение навигационного сезона кокетливый маленький коттедж в Иллинойсе видел его лишь изредка. Парти Энн Хоукс вполне могла вести ту стародавническую жизнь, которая ей была, очевидно, предназначена судьбой. Когда капитан Энди возвращался домой, между ним и женой постоянно происходили стычки. Со временем подвижному веселому маленькому Энди жена стала чужим человеком, а привычка теревить бачки – попросту проявлением нервозности, жестом, выражающим раздражение и отчаяние.

Через семь лет после свадьбы родилась Магнолия. Манерами, темпераментом и чертами лица девочка была вылитый Энди. Отец и дочь так любили и понимали друг друга, что всей разрушительной силы миссис Хоукс (а сила эта была довольно велика) не хватало на то, чтобы сколько-нибудь испортить их отношения. Со дня рождения Магнолии маленький капитан стал приезжать домой часто, как мог, жертвуя для этих поездок временем, сном, деньгами – всем, за исключением сохранности и безопасности парохода и находящихся на нем пассажиров.

Прошли годы, прежде чем капитану Энди удалось убедить свою супругу проехать на его пароходе к Новому Орлеану и обратно. Разумеется, цель этих уговоров заключалась в том, чтобы быть рядом с ребенком. Как правило, капитанская жена мало интересуется командой судна, которым командует муж. Но Парти Энн внушила команде настоящий ужас. Экипаж не бунтовал ежедневно лишь потому, что капитан Энди неустанно прибегал к лестям, мольбам и угрозам.

Не прошло и получаса с момента вступления Парти Энн на пароход, как она сунула нос на камбуз и заявила коку, что владения его находятся в позорном беспорядке. Кок этот был негр с густыми и курчавыми, как у барана, волосами; его быстрые глаза навывкате всегда сверкали, и он обладал живым темпераментом, вполне соответствующим его званию.

Надо признаться, что, следуя освященной временем традиции, он вступил в должность, будучи несколько навеселе. Он не был пьян настолько, чтобы лезть в драку или отказаться от исполнения своих прямых обязанностей, – нет, он ограничился тем, что перемежал разговоры о собственном величии долгими паузами, во время которых погружался в зловещее молчание.

Из опыта прошлых лет капитан Энди, зная, что на протяжении всего плавания кок будет совершенно трезв, относился к нему с пониманием и очень дорожил им.

В тот момент, когда Парти Энн появилась на кухне, один из поварят, сидя на опрокинутом ведре, чистил картошку с фантастической быстротой, но совершенно не заботясь об экономии.

Зоркий взгляд Партиньи незамедлительно остановился на толстых очистках, падавших изящной спиралью из-под ножа поваренка. Она не любила терять

золотое время.

– Вот так так! Много я повидала в жизни! Но такой наглой расточительности мне еще видеть не приходилось!

Негр, стоявший у плиты, повернулся в ее сторону и на минуту застыл в полном недоумении. На камбузах не слишком-то приветливо относятся к посетителям. Кок без всякого энтузиазма смотрел на костлявый указующий перст, грозно направленный на ни в чем не повинную миску с картофельной кожурой.

– Что вам, мисси?

– Я тебе не мисси! – набросилась на него Парти Энн Хоукс. – А что мне от тебя надо? Да ведь я тебе уже сказала! Такой наглой расточительности я никогда в жизни не видела! Посмотри-ка на эти очистки! Ни один порядочный повар не допустил бы этого!

Негр был так же всемогущ в своих маленьких владениях, как капитан Энди в своих. Вокруг него толпились его помощники, тоже негры, круглоглазые и толстогубые, готовые наброситься на незваную гостью, явно оскорблявшую их повелителя.

– Вы кто, мисси, пассажирка?

Парти Энн презрительно оглядела кухню:

– Нет, я не пассажирка! Впрочем, пассажирка я или кто другой, это не имеет значения. Более запущенной и грязной кухни я не видела никогда! Знай, я сочту своим долгом довести это до сведения капитана. Выбрасывать на помойку половину картофеля!..

Из круглых глаз высокого негра посыпались красные искры. Губы его растянулись в дикую и мрачную гримасу, блеснули крупные четырехугольные зубы и даже обнажились синеватые десны. В один прыжок, достойный пантеры, он очутился подле миски с очистками, протянул свою большую черную лапу, схватил миску и швырнул в Парти Энн всю мокрую и липкую шелуху. Спираль из очисток повисли на ее плечах, затылке, платье и голове, сразу сделав ее

похожей на Медузу.

- Покажитесь-ка капитану, мисси!

И он мрачно вернулся к плите. Остальные негры стали еще мрачнее кока. Все они чувствовали нечто зловещее в той яростной поспешности, с какой женщина, украшенная очистками, метнулась по направлению к палубе.

В Мемфисе на пароход был нанят другой кок.

Следует, правда, сказать, что, узнав о том, что его враг не кто иной, как супруга капитана, рассчитанный негр от души пожалел о своей расправе над Парти Энн. Веселый маленький капитан пользовался всеобщей любовью. И когда старый кок сходил на берег, жалость мелькнула в его блестящих глазах, в последний раз устремленных на капитана. А на лице капитана, тоже следившего взглядом за уходящим, нетрудно было прочесть плохо скрываемое волнение. Ходили даже слухи – ручаться за их достоверность, конечно, невозможно, – что кто-то видел, как из маленькой смуглой руки капитана в громадную черную руку наглеца скользнуло нечто маленькое, круглое и золотое.

Миссис Хоукс утвердилась в должности домоуправительницы: ее постоянно можно было видеть снующей по коридорам, кают-компании и кладовой. Она отравляла существование резвым темнокожим уборщицам, устремляясь к ним, словно ястреб, всякий раз, как только они собирались поболтать между собою.

На пассажирок Парти Энн смотрела с подозрением, а на пассажиров – презрительно. Карточная игра была в то время такой же неотъемлемой частью жизни на пароходе, как еда и питье. Нередко партия в покер, начатая ранним вечером, была еще в полном разгаре, когда первые лучи восходящего солнца начинали чуть золотить реку. То было время длинных усов, широкополых шляп, отложных воротников и бриллиантовых запонок, время, когда Америка еще не совсем утратила свою былую живописность, которая теперь уже давно погребена под пеплом однообразия. Особенно шикарный и воинственный вид был у южан. Даже Партия Энн Хоукс, особа в известном смысле невозмутимая, не могла, должно быть, не испытать некоторого волнения, проходя мимо карточного стола, за которым сидели эти романтические и, по ее понятиям, развратные пассажиры. Согласно ее суровым принципам, волнение такого рода было греховным. Она принадлежала к числу фанатиков, считающих, что природа

– враг, с которым необходимо бороться; вино ее жизни давно уже перебродило, скисло и превратилось в уксус. Если бы было возможно прочесть тайные мысли Парти Энн, то мы обнаружили бы следующее: «Я нахожу этих мужчин красивыми, обаятельными, они волнуют меня, и это отвратительно. Я не должна даже признаваться себе в том, что они производят на меня какое-то впечатление. Вот почему я стараюсь думать и говорить, что они отвратительны, смешны и достойны презрения».

Ее положение осложнялось тем, что те самые мужчины, проявлять презрение к которым она вменила себе в правило, считали долгом относиться к жене своего капитана с истинно рыцарской любезностью. А их дамы были вежливы и сердечны с ней.

Раскланиваясь с Парти Энн, южане особенно эффектно взмахивали перьями широкополых шляп и большею частью заговаривали с ней. В протяжном говоре их было что-то очень нежное.

– Путешествие на великолепном судне вашего достойного супруга доставляет вам много удовольствия, не правда ли, мэм?

Южноамериканское произношение придавало особенную ласковость этим любезным словам.

– Путешествие на ве-л-и-и-колепном...

В памяти всплывали яркие шелка, шпаги, красные каблуки и кружевные манжеты.

– Полагаю, что пароход в исправности, – отвечала Парти Энн. – Но разве добрый христианин может смотреть спокойно на ваши ночные кутежи и постоянное швырянье деньгами? Путешествие наше не кончится добром. Всех нас ждет ужасная кара!

По ее тону можно было подумать, что ей и впрямь очень хочется какого-нибудь несчастья. Сладкоречивый южанин откланивался. Через секунду слышался нежный голос:

– Драная кошка!

К счастью, мрачные предсказания Парти Энн не сбывались. Путешествие было приятным и спокойным. Пароход капитана Энди, уступавший по размерам многим другим, славился отличной кухней, комфортом и обходительностью экипажа. Вкусные обеды и приветливое обращение играли роль бальзама, помогавшего пассажирам сносить присутствие миссис Хоукс. Команда терпела ее ради маленького капитана, которого все любили и который платил жалованье.

Партинья Энн Хоукс рассматривала великую реку – если вообще удостоивала ее какого-либо внимания – как некий, к сожалению мокрый, путь, по которому можно с удобствами доехать до Нового Орлеана. Ее воображение не волновала загадочность реки, не трогало ее величие, не смущала ее зловещая мощь. И все-таки, против воли, конечно, и в очень слабой степени, она постепенно стала поддаваться ее очарованию. Эта поездка оказалась лишь первой из длинной череды плаваний. Впоследствии Парти Энн проводила на пароходе семь месяцев из двенадцати и плавала не только по Миссисипи, но и по Огайо, Миссури, Канауа и Биг-Сэнди. Возрастающая приверженность Парти Энн к кочевой жизни и пыл, с которым она старалась ее упорядочить, привели к тому, что многие путешественники стали отдавать предпочтение другим пароходам.

Возможно, что поведение некоторых пассажирок по отношению к маленькому капитану, а также поведение самого капитана по отношению к некоторым пассажиркам сильно подогревали воинственность Партиньи.

До того как Энди Хоукс вошел в ее жизнь, на ней не задержался взгляд ни одного мужчины. Она была типичной старой девой, и тот факт, что она сделалась женой и матерью, по всей вероятности, нередко казался ей удивительным и неправдоподобным. Искусство кокетства было ей совершенно недоступно. А вокруг нее – и капитана Энди – все время вертелись женщины, обольстительные и коварные. Среди них были жены южных плантаторов, смуглые, томные и кокетливые креолки из Нового Орлеана, дочери и жены богатых купцов, юристов, фабрикантов, пользующиеся случаем проделать веселое путешествие, необходимое их отцам и мужьям из деловых соображений.

Эти женщины не умели молчать ни минуты.

– О капитан Энди!

И тотчас же:

– О капитан Энди! Будьте милы, пойдите сюда и объясните нам, почему этот звоночек так раззвонился?

– Почему эта палуба называется верхней?

– О капитан Хоукс! Неужели у вас на руке вытатуирована змея? Ну, конечно, змея... Смотри, Эммелина! Эммелина, смотри же! У этого гадкого капитана змея!

У капитана Энди была предательская манера обращения с женщинами: он держал себя с ними очень почтительно, но в то же время позволял себе говорить весьма рискованные вещи.

Тонкий белый пальчик, розовый ноготочек которого отважно скользил по свернувшейся колечком татуированной змее, тотчас же оказывался пленником маленькой, жесткой и смуглой руки капитана.

– Теперь, – задумчиво говорил маленький капитан, – теперь эта татуировка скоро исчезнет бесследно. Да, мэм! У меня не будет больше змеи.

– Но почему?

– Я ее вытравлю.

– Но... но... я не понимаю! Меня ведь так легко озадачить. Я...

Маленький капитан становился умильным:

– Я буду все время целовать то место, которого коснулся ваш милый пальчик.

– О-о-о-о!

Далее кокетливый удар пальмовым листом, исполняющим роль веера.

– Какой вы нахал! Эммелина, ты слышишь, что сказал мне этот гадкий капитан?

Львиной долей той свободы, которой наслаждалась Магнолия, она была обязана тому, что эти прелестные особы доставляли много забот ее матери.

Если чары реки подействовали даже на миссис Хоукс, вполне вероятно, что маленькая Магнолия всецело подпала под ее волшебное обаяние. Со времени первой поездки по Миссисипи девочка просто влюбилась в нее. На протяжении всего долгого путешествия от Сент-Луиса до Нового Орлеана миссис Хоукс раз двадцать в день прогоняла свою дочку с капитанского мостика или вытаскивала из машинного отделения. Не обращая внимания на отчаянное сопротивление девочки, Партинья смывала грязь с ее лица и рук, надевала на девочку чистый передник и усаживала ее в одно из красных плюшевых кресел кают-компания. Черные волосы Магнолии нисколько не вились. Это обстоятельство очень огорчало миссис Хоукс, она часами возилась с ними, смачивала их, накручивала на свои пальцы и расчесывала частой гребенкой в несбыточной надежде, что ее утенок превратится в лебедя. Строптивой девочке приходилось покорно стоять зажатой в тисках материнских колен. После этого на беспокойные ножки надевались белые чулки и черные туфельки, детская фигурка стягивалась туго накрахмаленным пышным платьем. Парти Энн строго наказывала дочке вести себя соответственно возрасту и высокому положению в обществе.

– Ты должна слушать то, что говорят между собой леди и джентльмены, – строго проповедовала миссис Хоукс, – а не грубую болтовню грязных кочегаров и рулевых. Не понимаю, что, собственно, думает твой отец, допуская это!.. Или почитай... Где твоя книжка?.. Та книжка, которую я купила именно для того, чтобы ты читала ее во время этой поездки! Ручаюсь, что ты ни разу даже не раскрыла ее... Принеси ее сюда! Да не вздумай застрять где-нибудь по дороге!

Через некоторое время девочка возвращалась с книгой в руках. Но это была не материнская нравоучительная книжка, вызывавшая у девочки кошмары, а роман из жизни речных разбойников вроде Мюреля, злую волю которого немедленно приводила в исполнение банда из десяти тысяч головорезов, по сравнению с которыми Джеймс Джемс был настоящим филантропом. Подобными книгами ее снабжали матросы. Она обожала эти кровавые истории и глотала книжки с жадностью, которую обнаруживала, впрочем, ко всему, что имело хоть какое-нибудь отношение к реке. Стоило такому роману попасть на глаза ее бдительной матери, как та немедленно выбрасывала книгу за борт.

Магнолия ненавидела красную плюшевую раззолоченную кают-компанию. Она ей нравилась только вечером, когда зажигались подсвечники и керосиновые лампы на стенах, – в эти часы девочке чудились в ней какой-то блеск, какая-то роскошь. Пассажиры, сменившие свои скромные дневные платья на вечерние туалеты, приходили туда почитать, поболтать или заняться рукоделием. При их появлении мужчины начинали с ожесточением крутить усы, стараясь при этом сделать так, чтобы бриллиантовое кольцо на среднем пальце блестело как можно ослепительнее. Все это доставляло Магнолии удовольствие.

Порою одна из пассажирок пела что-нибудь под аккомпанемент рояля, звучавшего так, как будто в его струнах навсегда поселилась речная сырость. Южанки выбирали преимущественно звучные сентиментальные баллады. Женщины с запада предпочитали разливать в своих песнях на более серьезные темы. Одну из таких песен Магнолия яростно ненавидела, хотя и не смогла бы объяснить почему. Она называлась: «Учись, дитя, учись быть бережливой».

В Линкольне детство золотое

Я провела среди полей;

В душе навек запечатлелись

Заветы матери моей.

Когда случалось мне, играя,

В ее объятьях засыпать,

Одно и то же мне твердила

Моя заботливая мать:

Хор.

Учись, дитя, учись быть бережливой,

Чтоб стать впоследствии хозяйкою счастливой.

От этого припева девочку сводили судороги.

С наступлением вечера убежать на палубу или в рубку становилось невозможным. Поэтому Магнолия старалась использовать все преимущества кают-компаний. Это ведь все-таки было много лучше, чем идти спать. И так в течение всей этой беспорядочной жизни Магнолия шла спать только тогда, когда ей больше ничего не оставалось делать. По, даже оказавшись в своей маленькой каютке, она ложилась не сразу, а начинала вертеться перед кривым зеркалом, передразнивая разряженных дам, которых она только что видела в кают-компаниях. Ударяя по воображаемому мужскому плечу воображаемым веером, она, оживленно гримасничая, щебетала: «Милый, да!», «Милый, нет!». При этом она проводила смоченным слюной пальчиком по своим прямым черным волосам, приглаживая несуществующие завитушки.

Днем отцу и дочери частенько удавалось обманывать зоркую бдительность Парти Энн. Держась ручонкой за маленького капитана, Магнолия бродила по всему пароходу от носа до кормы, от машинного отделения до рубки. Так отрадно было залезть в машинное отделение и слушать, как вымазанный в саже машинист ругает рулевого: проклятый меднолобый питтсбуржец! – за то, что тот дает иногда гораздо больше звонков, чем полагается.

Но больше всего Магнолия любила светлую, веселую застекленную рубку, которая возвышалась над всеми остальными частями парохода и на которую надо было карабкаться по узкой лесенке. Оттуда хорошо были видны быстрые воды причудливой реки.

Невозможно было угадать, как будут выглядеть места, по которым будет проплывать пароход. По крайней мере, Магнолия никогда не угадывала. В этом было какое-то особое очарование. Река все время изгибалась и кружила. И за каждым поворотом ее скрывалось что-то таинственное.

Но для ее отца не существовало ничего таинственного. Он знал все. И мистер Пеппер, штурман, тоже знал. Трудно было даже поверить, чтобы в человеческом мозгу умещалось столько сведений. Магнолия очень любила экзаменовать капитана и штурмана.

– Что будет сейчас?

– Дровяной склад Киннея.

- А дальше?

- Поворот Илера.

- А на повороте?

- Плантация Петри.

- А за поворотом?

- Старое дерево, расщепленное молнией.

- А потом?

- Мыс Хиггенса и пень, торчащий из воды.

Все их предсказания сбывались. Это было волшебно. Это было невероятно. Они знали также глубину реки. Они могли показать на какое-нибудь место и сказать:

- Прежде тут был остров Бокля.

- Да ведь здесь вода! Как же здесь мог быть остров? Мы уже проехали это место.

- Тут был остров, - хладнокровно повторял мистер Пеппер.

И иногда пояснял:

- Два года тому назад я обогнул его вон там.

- Но ведь там земля! Вы смеетесь надо мной, мистер Пеппер! Как вы могли провести пароход по земле? Я же отлично вижу, что там, куда вы показываете, - земля! На ней даже растут деревья!

- Два года тому назад тут была вода. Одиннадцать футов.

Разумеется, Магнолия с самого раннего детства подпала под обаяние змееподобного чудовища, одного взмаха хвоста которого было достаточно, чтобы стереть с лица земли целый остров и которое могло одним движением своего громадного тела соорудить сушу там, где прежде была вода.

Мистер Пеппер с величайшим почтением относился к своей реке.

– Нда... Миссисипи, да еще Нил, там, в Египте, это сущие старые ведьмы. Правда, Нила я не видел. Да и незачем. Человеку совершенно достаточно иметь дело с одной такой рекой. Это все равно что брак. Ведь изучив хорошенько одну бабу, знаешь и всех остальных.

Мистер Пеппер вовсе не был тем старым морским волком с седой бородой, каким обыкновенно изображают штурманов романисты. Это был красивый молодой человек двадцати четырех лет, хладнокровный, молчаливый и легкомысленный. В его светло-карих глазах, особенно в те минуты, когда он, не мигая, смотрел на воду, прыгали крошечные золотые искорки, казалось, дух реки овладел им и сделался частью его самого. Родись он на пятьдесят лет позже, из него вышел бы прекрасный авиатор.

Иногда, в удобных местах, мистер Пеппер разрешал Магнолии держать в руках и даже поворачивать рулевое колесо, которое было вдвое больше ее самой. Конечно, в таких случаях он всегда стоял рядом с нею.

Девочка училась различать звонки. У «Хода вперед» было, несомненно, сопрано. Мистер Пеппер называл его «Звоночком».

– Когда я даю кочегару «Звоночек», – объяснял он, – он знает, что надо накормить машину досыта.

Привычная к речному жаргону, Магнолия понимала его с полуслова и радостно кивала ему только что завитой головкой.

– Я называю его «Сопрано». У «Стопа» – что-то вроде альты. У «Хода назад» бас. Вы называйте его «Бум-бумом».

Какой чудесный чичероне этот мистер Пеппер! Какое восхитительное место эта рубка! Магнолии нравился изумительный порядок, царивший в ней, хотя сама она и была весьма несобранном маленьким созданием. На фоне мрачной реки и прибрежных лесов стеклянная рубка казалась особенно уютной. Пол был устлан линолеумом. В ящике маленького стола лежал револьвер мистера Пеппера, зловещий и блестящий. Рядом с ним покоилось «Руководство для штурманов». Магнолия долго любовалась заглавием, вытисненным на переплете кирпично-красного цвета:

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ШТУРМАНОВ

ПО РЕКАМ, ВПАДАЮЩИМ В МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ, ИХ ПРИТОКАМ И КРАСНОЙ РЕКЕ СЕВЕРА

«Красная река севера»! В этих словах было что-то завораживающее. Мурашки восторга пробежали по спине Магнолии.

Посетители редко допускались в рубку. Пассажиры могли только с любопытством поглядывать на нее через стеклянную стенку. Путь туда был прегражден надписью: «Вход посторонним воспрещается». Находясь в рубке, Магнолия чувствовала свое превосходство и с некоторым презрением смотрела с высоты своего величия вниз. Во время средней вахты появлялся черный слуга-техасец в белоснежном накрахмаленном фартуке, неся для мистера Пеппера поднос с кофе, пирожными и мороженым. Штурман всегда угощал Магнолию, и, чтобы продлить удовольствие, она ела мороженое крошечными кусочками и облизывала ложку кончиком языка, с наслаждением глотая сладкий холодок, приятно щекочущий горло.

– Съешьте еще пирожное, мисс Магнолия, – упрасивал ее мистер Пеппер. – Я посоветовал бы вам вот это – розовое.

– Я боюсь, что мама...

Мистер Пеппер (ко всеобщему удивлению, он был отцом двух близнецов) уверял Магнолию, что мама ничего не имела бы против и даже, вероятно, сама стала бы уговаривать ее. Магнолия не долго заставляла себя просить и быстро

принималась за пирожное. Сознание собственной самостоятельности наполняло ее радостью. Она чувствовала себя такой же свободной, как река, по которой скользила «Прекрасная Креолка».

Магнолии бывало всегда очень грустно, когда нужно было уходить из рубки. Ей все время мерещилась за углом зловещая фигура матери. В любой момент этот призрак мог превратиться в действительность. Непрерывное сознание возможной опасности сделало для Магнолии ее первую поездку по Миссисипи необыкновенно романтической.

Глава третья

Парти Энн Хоукс, вне сомнения, являла собою грозную силу. Однако предположение о том, что дела капитана Энди пошатнулись исключительно благодаря неустанному воздействию этой силы, не выдерживает критики. Большую роль сыграло в этом другое чудовище – железная дорога, с ее гремящими колесами и бесконечной сетью рельсов. Приговор над речным пароходством был произнесен. Джентльмены в сюртуках покроя принца Альберта и леди в платьях из альпаки выбирали более скорый, хоть и менее романтический, способ передвижения из Натшеза в Мемфис и из Каира в Виксберг. Дельцы Миннесоты, Иллинойса и Айовы отдавали явное предпочтение новому и менее рискованному способу доставки к месту назначения своих товаров. Фермеры начали перевозить продукты в товарных вагонах. Речное пароходство скоро превратилось в анахронизм.

Капитан Энди был душою связан с рекой. В ней заключалась вся его жизнь. Он не знал иного окружения, иного пейзажа, иного рода деятельности. Все большие и маленькие реки Севера, Среднего Запада и Юга, с их резкими, но все же музыкальными индейскими названиями – Каскаския, Каокия, Ятсо, Мононгаэлла, Канауа – были для него старинными друзьями. Он изучил течения и глубины каждой, знал все пристани, побережья и опасные места. Капитан Энди, казалось, не брал в расчет существование коттеджа в Фивах и своим домом называл пароход. Он полагал, что города и поселки, расположенные по берегам рек, существуют исключительно для того, чтобы снабжать пароходы пассажирами и грузом. Он знал каждую доску на каждой пристани между Сент-Полем и Батон-Ружем.

Но лучше всего он знал все-таки Миссисипи. Ее он любил, боялся и почитал. Поклонники и возлюбленные один за другим покидали ее ради горластой змеящейся железнобрюхой выскочки. Энди был в числе немногих, сохранивших верность реке.

Изменить ей и начать приискивать какое-нибудь сухопутное занятие казалось ему совершенно невыносимым. На реке он занимал видное положение. На суше ему пришлось бы сделаться чем-то вроде некоего маятника, размах которого неизбежно был бы ограничен с одной стороны домашним очагом, а с другой – какой-нибудь грязной работой в городе. Энди было ясно, что капитан и владелец «Прекрасной Креолки» – ее полновластный господин, скоро превратился бы просто в супруга Парти Энн Хоукс, госпожи кружевных занавесок, жрицы салонных ковров и блюстительницы кухонного пола.

Он пораскинул умом и, когда в голове его созрел коварный план, осторожно приступил к его выполнению – сила сопротивления Парти Энн была ему достаточно известна.

– Тут пишут, что старик Олли Пигрем собирается продать свой плавучий театр.

Капитан Энди сидел на кухне, с трубкой в зубах, и был, казалось, всецело погружен в чтение местной газеты.

– Он называется «Цветок Хлопка».

Парти Энн никогда не притворялась заинтересованной тем, что ее не интересовало. К тому же плита и чулан, в котором хранилась провизия, полностью поглотили ее внимание, поэтому слова мужа едва дошли до ее сознания.

– Что же из этого?

Капитан Энди громко зашелестел газетой, медленно перевернул страницу и лениво покачал головой. Все манипуляции его были рассчитаны на то, чтобы придать разговору характер случайного.

– Олли нажил целое состояние на плавучем театре. Во всех городах с нетерпением ждут его представлений. Нда... тот, кто купит «Цветок Хлопка», не останется в дураках.

– Мало ли на свете мошенников!

Высказав свое резкое суждение, Партинья решила, что разговор должен прекратиться сам собой.

– Нечего сказать, мошенники! Владельцы плавучих театров – самые уважаемые люди на реке. Посмотри на Пигрема, Финигена, Хозе Уотса!

Заявив, что этих «уважаемых» людей она не подпустит к себе и на десять шагов, и назвав их еще раз мошенниками, миссис Хоукс сочла разговор на эту тему исчерпанным.

Дня через два Энди так же ненавязчиво и небрежно возобновил разговор. Но на этот раз ему не удалось провести Партинью. Проницательная особа угадала, что все мысли капитана сосредоточены на плавучем театре.

Дело происходило за ужином. Энди начал с восхваления домашней кухни. Она была действительно хороша. Все подавалось вовремя и было отлично приготовлено. Партинья не утратила свой кулинарный талант. Но по большей части капитан Энди ел рассеянно и не воздавал должного ее стряпне. Возможно, что ему не хватало той атмосферы праздничности, оживления, болтовни, благодаря которой он с таким удовольствием обедал и ужинал в столовой «Прекрасной Креолки». В его жилах текла кровь латинской расы, а по складу души он, сам того не осознавая, был артист. Он не мог думать о себе иначе как о капитане, неотъемлемой принадлежностью которого была синяя куртка с золотым галуном и пуговицами; ему нравилось восседать во главе длинного стола, внимая прелестным особам в платьях с басками, которые постоянно спрашивали его: «Что вы думаете об этом, капитан Хоукс?», и джентльменам в сюртуках покроя принца Альберта, которые почтительно обращались к нему с вопросом: «Каково ваше мнение на этот счет, сэр?», в то время как подобострастные негры в белых накрахмаленных куртках бегали взад и вперед с дымящимися блюдами.

Партинья не признавала болтовни за обедом. И все-таки Энди все время переговаривался с Магнолией. Как это ни странно, они совершенно не ощущали разницы в возрасте. Отец не задавал вопросов вроде: «что ты делала сегодня в школе?» или «Была ли ты сегодня пай-девочкой?». Энди и Магнолия весело болтали между собой, как два проказника, постоянно навлекая на себя неудовольствие Партиньи. В промежутке между двумя блюдами капитан Энди любил выскочить из-за стола и усесться в свое кресло. Может быть, он приобрел эту привычку из-за того, что на пароходе его то и дело отрывали от обеда. Дома же это вызывало бурю негодования. Вообще, участие миссис Хоукс в разговоре сводилось приблизительно к следующему:

– Ради Бога, успокойся, Хоукс! Нет еще и пяти минут, как мы сели ужинать, а ты уже третий раз вскакиваешь из-за стола... Ешь картофель, Магнолия! Иначе не получишь пирожного!.. Что за глупости ты вздумал рассказывать ребенку, Энди Хоукс?.. Неужели ты умеешь говорить только об этих ничтожных и вечно пьяных головорезах-моряках?.. Пей молоко, Маджи!.. Да угомонись же ты, наконец, Хоукс!.. Пожалуйста, не срезай жир, Магнолия! Ты ведь такая худышка, что мне прямо стыдно за тебя! И так уж соседи поговаривают, что тебя держат впроголодь!

Эти замечания, словно жужжание целой стаи комаров, служили своеобразным аккомпанементом к разговору отца и дочери.

В описываемый вечер Энди был всецело поглощен пожаром на «Сенсации», о котором рассказал ему штурман погибшего парохода. Яркие карие глаза капитана лихорадочно горели. Он то и дело вскакивал из-за стола, чтобы дополнить свой рассказ жестами. С неотступным вниманием следила за каждым его движением и словом Магнолия. Ей еще не доводилось присутствовать на представлениях плавучего театра. Если какой-либо из этих веселых путешественников, гремя оркестром, с развевающимися флагами, с пыхтящим впереди буксиром, появлялся на реке и останавливался на два-три дня или порою на целую неделю в Фивах, Магнолии запрещалось даже подходить к нему. Другие дети целыми днями вертелись у плавучего театра, очарованные его магией, замирая при виде разгуливающих по улицам музыкантов в красных костюмах, а по вечерам смотрели спектакль и даже оставались на концерт, за который полагалось платить добавочные пятнадцать центов.

Магнолии страстно хотелось хоть одним глазом заглянуть в этот запретный мир. Из окон их белого домика открывался вид на реку и мыс Жирардо. Ночью она

видела окна пароходов – мерцающие желтые огоньки – и факелы на берегу, освещавшие путь счастливым, до нее доносились громкие звуки оркестра. В детстве ей часто случалось выстаивать у окна своей комнаты целые ночи. Весною плавучие театры спускались вниз по реке: осенью возвращались обратно. Щеки девочки пылали, несмотря на то что голые ножки были холодны как лед. Она напрягала слух, чтобы уловить веселые мелодии, и зрение – чтобы рассмотреть лица, мелькавшие в волшебном свете факелов. Большею частью она не слышала грузных шагов и вовсе не думала об опасности, до тех пор пока грозный окрик: «Сию же минуту в постель, Магнолия Хоукс!» не долетал до ее очарованного слуха. Иногда она встречала актеров плавучего театра на Главной и Третьей улицах – они делали покупки или просто лениво прогуливались взад и вперед. В городе к ним относились с легким презрением и называли комедиантами.

Их легко можно было узнать по одежде, мимике, даже по походке. Далеко не все женщины блистали молодостью и красотой. Магнолия обратила внимание на то, что многие из них были даже старше ее матери (Партинье стукнуло тогда тридцать девять лет.) И все-таки, несмотря на морщины, они казались красивыми и даже молодыми. Они выглядели всегда беззаботными и веселыми.

Однажды трое актеров – две женщины и один мужчина – прошли мимо дома Хоуксов. Они уплетали фрукты из бумажного мешочка, сплевывали косточки и все время смеялись. Одна из женщин была молода и очень красива. Магнолия подумала, что такого изящного туалета она не видела еще никогда. На ней была синяя юбка с фижмами, обшитая сутажем, а ее синяя шляпка была украшена кружевом с блестками и очаровательными нежными розами.

Вторая актриса была много старше. Лицо ее, изборожденное глубокими морщинами, свидетельствовало о том, что ей пришлось многое пережить. Магнолия, конечно, еще не могла понять это. У актрисы были глубоко запавшие, темные, потухшие глаза. Одета она была небрежно; трен ее черного платья придавал ей какой-то экзотический и таинственный вид. Их спутник был молод, высок и довольно красив, но не слишком-то элегантен. Небрежность его костюма подчеркивалась отсутствием галстука.

Повиснув на калитке, Магнолия внимательно смотрела на проходящих. Старшая актриса перехватила ее взгляд и улыбнулась. Магнолия тотчас же решила, что она нравится ей больше, чем другая, молодая и красивая. И, серьезно посмотрев на нее, девочка улыбнулась ей в ответ сияющей улыбкой.

– Взгляните на эту девочку, – сказала старшая актриса. – Она вдруг стала красавицей!

Молодая актриса и актер лениво посмотрели на Магнолию. Улыбка на детских губах тотчас же погасла. И они увидели тоненькую девочку с большими глазами, с резко очерченным подбородком, с довольно большим лбом: ее черные волосы никак нельзя было заподозрить в том, что они вьются от природы.

– Вы бредите, Джули, – холодно заметила красивая девушка, отворачиваясь.

Но между старшей актрисой и Магнолией словно зажглась искра симпатии.

– Здравствуй, девочка!

Магнолия пристально смотрела в глубокие глаза.

– Ты не хочешь поздороваться со мной? – спросила актриса. На лице ее снова появилась улыбка.

Магнолия тоже улыбнулась.

– Смотрите же! – торжествующе воскликнула Джули. – Я говорила вам!

– Девчонка, видно, язык проглотила, – заметил актер.

– Да идемте же, – сказала молодая актриса, набивая рот вишнями.

Но старшая продолжала стоять у калитки.

– Когда ты вырастешь большая, – серьезно сказала она, обращаясь к Магнолии, – не улыбайся слишком часто. Но всякий раз, как ты будешь сильно желать чего-нибудь, или кто-нибудь будет нравиться тебе, или ты захочешь понравиться кому-нибудь, – улыбайся непременно. Впрочем, ты поймешь все это и сама... Но почему же ты не здороваешься со мной? А?

Магнолия растаяла.

- Не могу! - объяснила она.

- Не можешь? Почему?

- Потому что вы комедиантка из плавучего театра. Мама запрещает мне разговаривать с комедиантками.

- Вот чертенок! - заметила молодая актриса, выплевывая косточку. Актер засмеялся.

Неуловимым движением старшая актриса сорвала с головы шляпу, сунула ее в руки своего спутника, свернула густые волосы в тугий узел, поджала рот так, что губы ее превратились в две узенькие полоски, прижала локти к бокам, чопорно сложила руки и подняла плечи.

- Твоя мама выглядит так? - спросила она.

- Откуда вы знаете? - воскликнула Магнолия. Она была ошеломлена. Все трое артистов громко расхохотались.

И тотчас же в дверях появилась Парти: ощетинившись, она приготовилась защищать свое дитя:

- Сию же минуту домой, Маджи Хоукс!

Продолжая смеяться, артисты медленно пошли дальше.

И вот об этих-то удивительных людях, общение с которыми было строго-настрого запрещено Магнолии, капитан Хоукс рассказывал теперь:

- Они давали представление в Китайской Роще. После спектакля был концерт, на котором выступала Ла Берн. Когда она заканчивала свой номер, начался пожар. Через несколько минут пламя охватило бедняжку. Ничего нельзя было поделать!

Менее привычному слушателю трудно было разобрать, когда капитан Хоукс говорил о женщине, а когда о пароходе:

– Бедняжке было тридцать лет. Ужасно сгореть так, словно листок бумаги! Харт Гарри побежал было в машинное отделение, но пламя преградило ему дорогу. Пытаясь влезть на грот-мачту, он сломал ногу. Буксир удалось спасти. Но «Сенсация» сгорела дотла. Гарри перенесли на буксир и послали за доктором. Угадай-ка, что было дальше?

– Что? – крикнула Магнолия. Она крикнула вовсе не из-за того, что ее взволновала эта трагедия, а просто потому, что ей не терпелось услышать продолжение.

Капитан Энди встал из-за стола, размахивая вилкой:

– Увидев весьма странные туалеты спасшихся от пожара, доктор заявил, что приступит к осмотру сломанной ноги Харта только в том случае, если ему заплатят двадцать пять долларов вперед. «Ничего вы не получите! – сказал Харт Гарри, хватаясь за ружье. – Если вы сию же минуту не займетесь моей ногой, я прострелю вашу ногу, да так, что вам больше никогда не придется совершать прогулок... Сукин сын вы этакий!»

– Капитан Энди Хоукс!

С помощью вилки, заменившей ему ружье, капитан Энди Хоукс успел изобразить только что описанную им сцену. И отец, и дочь с испугом посмотрели на миссис Хоукс. Но их страх был вызван вовсе не ее гневом – они опасались, что Парти не даст закончить рассказ.

– Дальше! – крикнула Магнолия, вертясь на стуле. – Дальше!

Но повествовательный пыл капитана уже погас. Энди снова уселся за стол и стал рассеянно доедать свинину с картошкой. Может быть, он был несколько смущен тем выражением, которое он позволил себе употребить в своем рассказе.

– Не знаю, как это у меня вырвалось, – пробормотал он.

– Я тоже не знаю! – язвительно заметила Парти. – Впрочем, можно ли ожидать лучших выражений от человека, который вечно якшается со всяким

театральным сбродом!

Магнолия во что бы то ни стало желала узнать, чем кончилось дело.

– Ну, что же дальше? Прострелил он ему ногу? Или только прицелился? Или что?

– Доктор сделал все, что от него требовалось. Ему заплатили требуемые двадцать пять долларов и предложили убираться к... ну, словом, предложили ему убираться с парохода, что он и не замедлил сделать. Пассажиры попали в очень затруднительное положение: спасенным пароходом необходимо было управлять, а штурман-то выбыл из строя! Пришлось вытащить его на верхнюю палубу. Дождь лил как из ведра, поэтому над ним устроили брезентовый навес, и, представь себе, какой молодец этот Харт! С помощью двух рулевых он довел пароход до Батон-Ружа, то есть проделал целых семьдесят пять миль! Это с больной-то ногой! Да-с!

Магнолия облегченно вздохнула.

– Кто это, интересно знать, рассказал тебе всю эту галиматью? – спросила миссис Хоукс.

– Сам хвастун Гарри. Ну да... Ведь его иначе не называют как Харт Гарри-Хвастун. (При этих словах раздраженная Партинья начала барабанить по столу.) Я встретил его сегодня. Последнее время он служил на «Сенсации». А прежде был штурманом на «Цветке Хлопка». Он ушел оттуда только тогда, когда старик Пигрем решил сбить с рук эту посудину. Знаешь, он уверял меня, что в плавучем театре бывает не менее пятисот зрителей, а по воскресным дням, в городах с густо заселенными окрестностями, даже по восемьсот. Подсчитав, я понял, что предприятие это крайне выгодное.

Тут капитан Энди стал высказывать целый ряд самых радужных предположений относительно возможных доходов.

Однако Парти Энн вовсе не была глупа. К тому же она сразу почувствовала, что в данном случае ей придется отстаивать свое мнение с еще большей твердостью, чем она это делала обычно.

– Я, может быть, многого не понимаю... (Это было одно из ее любимых выражений. Правда, тон, которым произносилась эта фраза, резко противоречил ее смыслу: он ясно показывал, что она понимает не только многое, но решительно все...) Я, может быть, многого не понимаю. Но уж одно-то я знаю наверняка! У вас, сударь, есть дела поважнее этого вечного шатания по пристани! Можно подумать, что вы какая-то жалкая водяная крыса! Скажите на милость, зачем вам понадобилось болтать с этим негодным хвастуном Гарри? Ручаюсь, что свое прозвище он заслужил! И по всей вероятности, это единственное, что ему удалось заслужить в жизни, по крайней мере, честным путем! Как вам не стыдно! Говорить при ребенке о плавучем театре! Да еще в таких выражениях!

– А что же плохого в плавучих театрах?

– Все! Плавучие театры – это сборище бездельников и мерзавцев. Да, все они таковы, и мужчины и женщины! Подонки! Сволочи!

Как видит читатель, Парти при случае тоже умела вставить крепкое словечко.

Капитан Энди ухватился за свои бачки и стал нервно, по-обезьяньи теревить их.

– В таком случае ваш собственный муж тоже сволочь, сударыня! Мне ведь случалось работать в плавучем театре.

– В качестве штурмана!

– К черту штурмана!

Энди встал.

– Не штурманом, а актером я был, миссис Хоукс. К тому же хорошим актером! Мне было тогда лет восемнадцать. Жаль, что вы не видели меня! Водевиль, в котором я был занят, назывался «Красный кофе». Я исполнял в нем роль негра. Да еще играл на барабане, который был больше меня самого!

Магнолия пришла в восторг. Она вскочила со стула и стала вертеться около отца.

– Это правда? Ты был актером? Ты никогда не говорил мне об этом! Мама, а ты это знала? Ты знала, что папа был актером в плавучем театре?

Парти Энн гневно выпрямилась. Она вообще была выше мужа, а в эту минуту, казалось, стала еще больше. Но у маленького капитана был крайне задиристый вид, и он смотрел на жену, как породистый фокстерьер на большую дворняжку.

– Что вы там мелете, Энди Хоукс? Вероятно, вы меня дразните и стараетесь рассердить в присутствии ребенка, удивляюсь вам. Хотя, признаться, не думала, что вы сможете меня чем-либо удивить!

– Все, что я сказал, – правда. Театр назывался: «Солнечный юг». Владельцем и капитаном его был Джек Бофингер. То были золотые денечки и...

– Ни слова больше, капитан Хоукс! Позвольте мне сказать вам одно: хорошо, что вы все это скрывали от меня! Иначе бы я ни за что не вышла за вас замуж! Подумать только!.. Актер плавучего театра!

– И еще как вышла бы, Парти!

Укоры. Упреки. Перебранка.

– Я буду очень благодарна вам, если вы не будете говорить при ребенке о плавучих театрах! Я не желаю, чтобы вся эта грязь коснулась девочки! Пойди в сад и поиграй там, Магнолия... Это последний разговор о плавучем театре в нашем доме!

Энди перевел дыхание, вцепился обеими руками в свои бакенбарды и бросился с головой в воду:

– Нет, Парти, далеко не последний. Я купил у Пигрема «Цветок Хлопка».

Глава четвертая

Супруги Хоукс часто ссорились. Но эта ссора была серьезнее всех остальных. В Партинье пробуждалась пуританка. Как, Энди собирается опозорить ее перед целым светом? Хочет испортить жизнь ее ребенку? Нет, это ему не удастся. Она уедет на родину, в Новую Англию. Он никогда больше не увидит Магнолию. Энди стал объяснять ей, что ему придется теперь проводить много времени вне дома. Вот если бы Парти и девочка пожелали жить с ним в его плавучем театре... хоть летом... приятное путешествие... новые места... новые впечатления...

Тут разразилась целая буря, но Энди решил твердо отстаивать свою позицию. И в конце концов он победил.

Всем, что было в жизни Партиньи красочного, запоминающегося, романтического, она была обязана мужу. Не будь его, она все еще месила бы грязь на той дороге, по которой ей приходилось ходить в неудобную маленькую школу у себя на родине. Не будь его, она осталась бы старой девой и все еще жила бы со своим старым отцом в том грязном городишке, где Энди разыскал ее. А с мужем ей удалось полюбоваться увитыми виноградом склонами Луизианы, изъездить все большие реки Каролины, Теннесси, Миссисипи, туманные берега которых серебрились плакучими ивами; услышать грустные и протяжные песни негров, высыпавших на порог своих хижин, когда пароход проезжал мимо них; узнать вкус экзотических плодов, увидеть много странных и необыкновенных людей, которые то появлялись на пароходе, то исчезали, словно тени в каком-то волшебном сие. Правда, она всегда противилась и каждому яркому впечатлению, и обаянию каждого нового человека.

После ошеломляющего признания Энди Партинья целых три дня грозилась бросить его, но, принимая во внимание, что все это происходило еще в те годы, когда узы, связующие мужа и жену, считались священными и что сама Партинья была пуританкой, это была совершенно пустая угроза. В течение последующих трех дней миссис Хоукс делала вид, что муж для нее не существует, и переговаривалась с ним исключительно через третье лицо, которым, в силу необходимости, всегда являлась Магнолия.

– «Скажи твоему отцу то-то и то-то». – Это в его присутствии! – «Спроси у отца то-то и то-то»!

Магнолия уже привыкла не удивляться подобным поручениям, она забавлялась ссорой родителей, как игрой. Но в конце концов эта игра стала удручать ее. Несмотря на свой юный возраст, она заметила, как осунулось лицо отца. И

однажды она, топнув ногой, заявила:

– Я больше ничего не намерена передавать папе! Сначала я думала, что это только шутки. А теперь понимаю, в чем дело! И нахожу, что это очень глупо! Ведь вы взрослые! Вам сто лет!

Энди пропадал по целым дням и часто возвращался домой поздно ночью. На «Цветке Хлопка» шел ремонт. Энди все время сновал между пристанью и городом. У него была масса дел: необходимо было следить за ремонтом, закупить продукты, набрать экипаж, пригласить труппу. Он все время что-то высчитывал. Карман его и фуражка вздулись от листков бумаги, на которых он вел свои расчеты.

Прошла целая неделя, прежде чем Парти Энн стала проявлять некоторый интерес к делам своего супруга. Главным образом ее интересовали детали. Сколько же заплатил Энди за это старое корыто? (Так она называла «Цветок Хлопка».) На какое количество публики рассчитан театр? Сколько приглашено актеров? Какой намечен маршрут? Один повар будет или два? Все эти вопросы были обильно сдобрены сердитым ворчанием по поводу расточительности Энди, предсказаниями, что на старости лет они останутся без куска хлеба, и намеками на то, что следовало бы назначать опекунов людям, в головах которых гуляет ветер. И все же Партинье все происходящее было чрезвычайно любопытно.

– Знаешь что, – сказал Энди тоном, который показался ему самому очень убедительным, – надевай-ка шляпу и пойдём на пристань.

– Ни за что! – отвечала Партинья, развязывая передник.

– Ну так отпусти со мной Магнолию. Она так любит пароход! Правда, Нола? Ты ведь вся в папу!

– Так я и отпустила ее! – иронически проворчала Парти.

Энди решил испробовать другое средство:

– Неужели тебе не хочется посмотреть, где будет жить твой папа все те месяцы, когда он будет в разлуке с тобой и мамочкой?

Обнаруживая великолепное актерское чутье, Магнолия подняла отчаянный рев. Однако чело Парти не разгладилось.

– Угомонись! – приказала она.

Тело Магнолии сотрясилось от рыданий. Энди безжалостно использовал момент:

– За то время, что меня не будет с вами, ты, наверное, забудешь даже, как выглядит твой папа!

Магнолия отлично понимала, что такое предположение совершенно лишено оснований. Это не помешало ей, однако, броситься к отцу, обвить его ручонками, завывать, затопать ногами и умолять его о том, чтобы он не покидал ее. Ей не терпелось посмотреть на плавучий театр. Но жить на «Цветке Хлопка» – воспоминание о чудесном путешествии на «Прекрасной Креолке» было еще свежо в ее памяти – ей хотелось так, как еще ничего не хотелось в жизни! Зрачки ее глаз расширились, пальцы судорожно сжались, тело стало извиваться в ужасных корчах. Она все время испускала раздирающие душу стоны. Одним словом, свою роль в этом спектакле Магнолия исполнила блестяще.

Энди старался успокоить ее. Рыдания усилились. Парти попыталась прибегнуть к строгим мерам. Девочка закатила истерику. Тогда отец и мать начали действовать совместно. Скоро крики сменились уговорами, уговоры обещаниями, и наконец все трое успокоились. Энди обнял одной рукой Магнолию, другой Партиню, Партинья обняла одной рукой Энди, другой Магнолию; Магнолия вцепилась в обоих сразу.

После того как девочка пришла в себя и переоделась, все трое, с Парти Энн во главе, вышли на улицу. Рубикон был перейден! Партинья признала себя женой владельца театра и бывшего актера. Пуританка в ней трепетала от страха, но любопытство пересиливало страх. Они шли по Дубовой улице, ведущей к пристани. Магнолия прыгала и вертелась от волнения. В походке Энди тоже чувствовалось, пожалуй, какое-то возбуждение. Если бы он не видел все время надутого лица жены, если бы ее цепкая рука не покоилась на его руке, он бы запрыгал вместе с дочкой и, того и гляди, бросился бы к реке бегом. Партинья же своей осанкой и выражением лица напоминала христианскую мученицу, влекомую на растерзание львам.

«Цветок Хлопка» стоял на якорях. Это был вместительный, комфортабельный пароход или, вернее, дом-непоседа, позволивший себе увлечься веселой жизнью на воде, а пока наслаждавшийся покоем на широком лоне реки. Он был весь белый с зеленым; большое количество зеленой краски пошло на надпись в фут вышиной, при виде которой Парти застонала от ужаса, а Магнолия завизжала от радости. Надпись гласила следующее:

«ЦВЕТОК ХЛОПКА»

Плавучий палас-театр капитана Хоукса

Парти теснее завернулась в тальму – казалось, ей сразу стало холодно.

Для удобства пешеходов глинистый скользкий берег был посыпан песком и золой. Этот крутой берег, по которому Энди, Парти и Магнолия с трудом сползли вниз и на который им предстояло вскарабкаться на обратном пути, стал для них впоследствии привычной дорогой.

Тент над верхней палубой, образуя подобие веранды, придавал большому пароходу удивительно уютный вид. Средняя палуба представляла собой галерею, поддерживаемую резными колоннами. Недалеко от сходней, полуоткрытое, словно рот, приготовившийся произнести приветствие, чернело окошечко кассы, через которое видны были пачки оранжевых, голубых и красных билетов, аккуратно разложенных на полках. Широкая дверь вела в холл. Двойные двери из холла открывались на лестницу.

– Это лестница на балкон, – объяснил Энди, – и в верхние ложи. Мест сто пятьдесят – двести. Большею частью, конечно, туда ходят негры.

Парти вздрогнула.

За лестницей открывался зрительный зал. В нем было все, что полагается: ряды кресел, оркестровая яма, сцена, ложи, наполовину спущенный занавес, позволявший любоваться нижней частью декорации, которая должна была изображать что-то венецианское – по крайней мере, на ней были нарисованы ноги гондольеров, приторно-голубая лагуна и лестница дворца. Магнолия

почувствовала разочарование. Правда, у лож были блестящие бронзовые перила, и кресла их, из красного бархата, показались ей великолепными.

– Я думала, что театр светится огнями и сверкает, и вообще похож на волшебную сказку, – сказала она.

– Вечером это так и будет, – успокоил ее Энди. Теплые, гибкие пальчики держались за его руку. – Вечером театр действительно похож на волшебную сказку. Тогда все лампы зажжены, много публики и играет музыка.

– Где кухня? – спросила миссис Хоукс.

Энди проворно открыл маленькую дверцу под сценой и сделал знак рукой. Партинья, грузно ступая, последовала за ним. Последней шмыгнула Магнолия. Кают-компания и камбуз помещались под самой сценой. Поперечные балки были настелены так низко, что даже Энди принужден был нагибаться, проходя под ними, а Магнолия могла свободно достать до них пальцами. Впоследствии казалось совершенно естественным, что команда и актеры «Цветка Хлопка» входят в кают-компанию, почтительно согнувшись, как бы заранее принося благодарность за предстоящую трапезу.

В кают-компании стояли два больших стола, каждый примерно человек на десять, и в самом конце третий, поменьше, человек на шесть.

– Это наш стол! – смело заявил Энди.

Партинья фыркнула. Но чуткий Энди сразу заметил, что в ее фыркание несколько меньше недовольствия, чем полагалось бы ждать от жены.

По пути из кают-компания на камбуз капитан Хоукс позволил себе несколько пояснений:

– Джо и Кинни – она стряпает, он подает, моет посуду и тому подобное, – обещали приехать к апрелю. Оба служили на «Цветке Хлопка» не меньше десяти лет. Камбуз только что отремонтировали. Какая в нем чистота! Просто игрушечка! Посмотри на плиту!

Хитрец Энди!

Партинья Энн Хоукс посмотрела на плиту. Что это была за плита! Широкогрудая, вместительная, просторная, напоминающая какое-то громадное черное млекопитающее, готовое кормить своей грудью бесчисленное множество голодных горшков и кастрюль. Она действительно сияла чистотой. Всякому должно было быть ясно, что на ней и в ней могут готовиться только нежные, питательные, вкусные вещи. Над плитой и по трем остальным стенам висели на особых крюках кастрюли, сковородки и котелки всевозможных размеров. В углу стояла запасная керосиновая плита.

- Для горячей закуски после спектакля, - объяснил Энди, - кофе, яйца. Чтобы не топить зря большую.

Казалось, Парти Энн усиленно соображала что-то. Потом на лице ее появилось выражение радостной задумчивости. Заметив это, она попыталась замаскировать свое настроение:

- И все это для каких-то бездельников! Ваше хозяйство будет стоить уйму денег! Вот что!

- Оно и даст уйму денег! - радостно возразил Энди.

Пробежавшая по камбузу черная кошка, гибкая, сытая, с лоснящейся шерсткой, посмотрела на супругов Хоукс янтарно-желтыми глазами, остановилась подле Партиньи и, выгнув спину, потерлась об ее юбку.

- Для мышей, - сказал Энди.

- Брысь! - крикнула Парти. Но в голосе ее слышались мягкие нотки, и кошка не двинулась с места.

Впервые перед ее взором было царство, о котором до сих пор она могла лишь грезить во сне. Джо и Кинни - ее подданные. Массовая закупка провизии. Сделай это! Сделай то! Может быть, Энди даже переусердствовал.

- Но где же ребенок? Где? О господи, Хоукс!

Партинья уже вообразила, что дочь упала в реку. Впоследствии ей суждено было беспрестанно дрожать за Магнолию, которая иногда в самом деле падала в воду, просто из озорства, подобно тому как другие дети убегают играть в то место, которое, в силу тех или иных соображений, считается запретным.

Энди стрелою вылетел из кухни. Подобрал юбку, миссис Хоукс поспешно проплыла за ним, выкарабкалась из оркестровой ямы и услышала, наконец, звук голоса, похожего на голосок Магнолии. Девочка стояла на сцене и говорила что-то:

– Неужели вы действительно так думаете?.. Моя девочка ужасно непослушна... О дорогая, мы так богаты! Мороженое подается у нас за завтраком, обедом и ужином!..

На ней была материнская тальма и неизвестно откуда взявшийся берет с черной эгреткой. Тальма волочилась по пыльным подмосткам. Черная эгретка раскачивалась с такой же важностью, с какой относилась к своему дебюту юная артистка. Магнолия плавным движением подняла правую руку, изящно согнув при этом мизинчик.

– Изволь сию же минуту убраться оттуда, Маджи Хоукс!

Партинья повернулась к Энди:

– Вот что случается, когда ребенок попадает в нечестивое место! Тоже актриса!

Энди покрутил усы. Подойдя к сцене, он протянул руки Магнолии. Девочка улыбалась со сцены. Она разругалась и вся сияла.

– Ты была так же хороша, как когда-то был хорош твой отец! Это не комплимент.

Он снял ее со сцены и поставил на пол. Когда Партинья сорвала с нее тальму и вперила гневный взор в эгретку, Энди почувствовал, что для сохранения только что завоеванной позиции необходимо использовать новый маневр. Ведь он был прирожденный актер!

– Где ты взяла этот берет, Магнолия?

– Там.

Она указала рукой на ряд дверей, расположенных за сценой:

– Я нашла его в одной из этих комнаток. Что это за комнатки, папа?

– Уборные актеров, детка. И в то же время – спальни. Не хочешь ли взглянуть на них, Парти?

В сопровождении насупившейся Партиньи он поднялся на подмости и распахнул одну из дверей. Парти Энн увидела крошечную каютку, в которой помещались, однако, узкая кровать, маленький шкаф и умывальник. Над кроватью были приколочены удобные полки. На окне висели ситцевые занавески. Из окна открывался вид на реку и берег. На стене красовались: цветной календарь и несколько пожелтевших от времени фотографий и картинок, вырезанных из журналов. В маленькой комнатке было опрятно, уютно и, как это ни странно, просторно. Должно быть, впечатление простора создавалось благодаря открытому окну, в которое видны были вода и небо.

– Во время спектакля – это уборные артистов, – пояснил Энди. – В остальное время – спальни.

Окинув быстрым взглядом каюту, миссис Хоукс сделала презрительную гримасу.

– Неужели ты воображаешь, что я буду жить в такой конуре?

В первый раз, и притом бессознательно, заговорила она о такой возможности.

Держась за юбку матери, Магнолия широко раскрытыми глазами осматривала каюту:

– Мне здесь ужасно нравится! Я бы так хотела жить здесь! Здесь есть все – и кроватка, и шкафчик, и...

Энди поспешил остановить ее:

– Я вовсе не думал, что ты станешь жить здесь, Парти. Пойдем-ка дальше. Но пока помолчи. Успеешь поворнуть и потом, если захочешь. Положи на место берет, Магнолия.

Они снова прошли через сцену и направились к лестнице, ведущей на балкон. Впереди шел Энди, за ним с похоронным видом шествовала Партия, а за ними, кружа между рядами кресел, бежала Магнолия. На балконе девочка снова едва избежала неминуемой, как утверждала Парти Энн, смерти: желая хорошенько рассмотреть сверху зрительный зал и сцену, она все время перевешивалась через барьер.

– Присматривай же за ребенком, Хоукс! Клянусь, ноги моей не будет больше на этом пароходе!

Однако в тоне ее не чувствовалось твердости. Когда же она увидела две верхние комнаты, прилегающие к балкону, две квадратные комнаты, из которых каждая была ничуть не меньше ее собственной спальни в Фивах, капитану Энди стало ясно, что крепость вот-вот капитулирует. Кухня пробила броню. Комнаты довершили победу. Между комнатами была устроена маленькая ванная. В каждой комнате было по два окна и свободно умещались кровать, шкаф, качалка и печка. На окнах висели занавески. Полы были устланы циновками. И тут Парти сделала нечто, вообще говоря, удивительное, но для нее характерное. Подойдя к шкафу, она провела по нему пальцем, потом критически посмотрела на этот палец и издала языком тот прищелкивающий звук, которым у всех народов выражают неодобрение.

– Ну и пыль! – сказала она. – Основательной уборки требует твой пароход! Каждую занавеску необходимо выстирать или выгладить!

Руководимый инстинктом самосохранения или внезапным наитием сверхчеловеческой мудрости, капитан Энди не возразил ни слова. Из соседнего помещения послышался радостный крик:

– Неужели это моя комната?

Парти сделала еще несколько шагов:

– Посмотрим! Посмотрим!

Энди шел за ней на цыпочках, боясь нарушить очарование.

- Говори же скорей! Моя ли это комната? Посмотри, здесь вместо окна – дверь! По лесенке можно спуститься прямо в реку!

- Чрезвычайно удобно, чтобы упасть в воду и утонуть без свидетелей!

Но девочка была вне себя от волнения. Она не могла терпеть дольше. Подбежав к нахмуренной Парти, она стала теревить ее за тальму:

- Мама, скажи, мы будем жить здесь?

- Посмотрим.

Отец и дочь обменялись взглядом, выражающим комическое отчаяние. У Магнолии стало вдруг не по годам взрослое выражение лица.

«Ну и женщина! Но ведь мы справимся с нею? Если ты готов продолжать борьбу, я буду бороться тоже», – казалось, говорили ее глаза.

- Можно выкрасить стены и мебель в любой цвет, – заметил Энди.

- В синий! – воскликнула Магнолия.

- И сделать новые занавески в тон комнате. – Помимо всех прочих талантов, у капитана Энди было прекрасное чувство цвета и линии.

Парти безмолвствовала. Губы ее были плотно сжаты. В отчаянном взгляде, которым снова обменялись Энди и Магнолия, не было больше ничего веселого. Они печально вышли из комнаты, прошли через балкон и спустились по лестнице, храня молчание, как на похоронах. Внизу, у средней палубы, похожей на галерею, послышался женский смех. Перед глазами Парти Энн мелькнули два видения, несомненно женского пола, в ярком оперении. И не успела она опомниться, как оба видения набросились на ее законного супруга, капитана Энди Хоукса, и принялись целовать его. Младшая, красивая, поцеловала его в левую бакенбарду. Старшая, некрасивая, – в правую.

– О дорогой капитан Хоукс! – застрекотали они. – Вы удивлены, не правда ли? И рады? Скажите же, что рады! Мы приехали из Каира только для того, чтобы посмотреть на вас и на ваш театр. С нами Док!

Энди любезно обнял за талию обеих:

– Рад... это не то слово!

И в самом деле, это было не «то слово», ибо рядом с ним и дамами стояла Партинья, сразу сделавшаяся выше, шире, внушительнее и сильно напоминавшая грозовую тучу. В ответе Энди звучали одновременно бравада и боязнь.

Магнолия сразу узнала красивую молодую актрису в шляпке с розами и ту другую, темноглазую, давшую ей совет не улыбаться слишком часто. Она вспомнила, как они несколько раз прогуливались мимо дома Хоукса в обществе неряшливого молодого актера и все время смеялись над чем-то, лениво сплевывая косточки от вишен прямо на грязную улицу.

Выбравшись из-за широкой материнской юбки, девочка сделала шаг вперед и легкое, нерешительное движение рукой в сторону немолодой актрисы.

Та сразу узнала ее.

– Господи! Посмотри-ка, Элли! Ведь это та самая девочка!

Элли посмотрела на Магнолию.

– Какая девочка?

– Девочка, которая так чудно улыбалась.

Как только она сказала это, Магнолия, не думая ни о чем и удивляясь самой себе, подбежала к ней, схватила ее за руку и улыбнулась, пристально глядя на ее странное, усталое лицо.

– Ведь я говорила вам! – воскликнула актриса. У нее были те же интонации голоса, что и прошлый раз.

– Маджи Хоукс!

– Великий Боже! – воскликнула Элли. – Это... – Почувствовав в воздухе назревающую грозу, она сначала засмеялась, а потом замолкла.

Энди освободился от обнимавших его рук и сделал попытку исправить положение.

– Позвольте вам представить мою жену, миссис Хоукс. Парти, это Джули Дозье, одна из лучших актрис на свете и очаровательная женщина, в обществе которой каждый день кажется праздником. А это – юная красавица, Элли Чиплей, или, как гласят афиши, Ленора Лавери, наша инженерю и любимица публики от Дулута до Нового Орлеана. А где же Док?

Как раз в тот момент на тропинке, усыпанной золой, показался Док; можно было подумать, что для своего появления он только поджидал соответствующей реплики. Док благополучно поднялся по сходням и, раскинув руки, запел: «Тра-та-та!» Это был человек лет пятидесяти пяти; его лицо с резкими чертами лица дышало добротой, но во впалых глазах чувствовалась усталость.

– Очень рад вас видеть, Док! Парти, позволь тебе представить Дока. У него, кажется, есть другое имя, да оно никому не известно. А Дока – знают все. Он у нас мастер на все руки – и суфлер, и кассир, и администратор. Вся черная работа на нем. Не правда ли, Док?

– Все зависит от точки зрения, – заметил Док как будто небрежно, но вместе с тем старательно сплевывая через борт в реку какую-то коричневую жидкость. – Очень рад познакомиться.

– Это моя дочь Магнолия, о которой я говорил вам.

– Вот как! Что за глаза у нее! На сцене она будет выглядеть очень эффектно.

Парти, дотоле неподвижная, как могильный памятник, издала какое-то восклицание. Повернувшись в ее сторону, Док учтиво и мягко продолжал:

- Надеюсь, вы поедете с нами, сударыня, и принесете нам удачу?

Миссис Хоукс посмотрела на поразительное лицо Джули Дозье, одной из лучших актрис на свете и очаровательной женщины, в обществе которой каждый день кажется праздником. Затем посмотрела на Элли Чиплей (Ленору Лавери, как гласили афиши), юную красавицу и любимицу публики от Дулута до Нового Орлеана. Грудь миссис Хоукс бурно вздымалась.

- Да. Поеду.

Итак, двумя коротенькими словами Партинья Энн Хоукс порвала с сушей и светскими приличиями, отреклась от мещанского уклада своего белого домика в Фивах, пренебрегла неизбежными сплетнями любящих скандальные истории соседей, связала свою жизнь с рекой и невольно приняла звание владелицы плавучего театра.

Глава пятая

В апреле плавучий театр двинулся в путь, в сказочное и беззаботное путешествие. В то время когда разоренная страна была занята залечиванием ран, нанесенных гражданской войной, «Цветок Хлопка» плыл, словно заговоренный: казалось, законы жизни не имеют власти над ним. Мили, сотни миль, тысячи миль – берега, окаймленные ивами, словно бахромою, вода цвета аквамарина на солнце и оливковая в тени. Жимолость на фоне черных стволов. Мулы. Негры. Деревянные хижины, такие же унылые и тусклые, как песчаная почва, на которой они построены. Сонная деревенька на берегу речушки – забытого отпрыска Миссисипи. Железная дорога не ближе чем в двадцати пяти милях. А следом буксирный пароход «Молли Эйбл», подталкивающий «Цветок Хлопка», как жирная надутая гусыня несмышленного гусенка.

Для жителей городов, плантаций и деревушек, расположенных на притоках Миссисипи и Огайо, театр типа «Цветок Хлопка» давно уже не был новинкой. С

тысяча восемьсот семнадцатого года, когда первый – разумеется, довольно примитивный – плавучий театр совершил турне по реке Камберленд, каждый такой театр был желанным и почетным гостем. Для фермеров и крестьян Среднего Запада, мелких – белых и чернокожих – плантаторов Юга плавучий театр был олицетворением красочности, и романтики, и веселья. Ему случалось останавливаться в глухих, заброшенных, как могильные склепы, местечках, куда никогда не долетал пронзительный вой паровой сирены, и даже в деревнях, жителям которых никогда прежде не случалось бывать на театральных представлениях: по-детски доверчивые, они не умели отличить реальность от вымысла и принимали за чистую правду и комические, и героические эпизоды, ту любовь и те приключения, которые разыгрывались перед ними. Простодушие это иной раз доставляло труппе «Цветка Хлопка» немало неприятностей.

Первое лето, проведенное Магнолией на «Цветке Хлопка», протекло как волшебный сон, лишь слегка омраченный призраком осени, с которой была связана необходимость возвращения в Фивы и возобновления обычной и скучной жизни. Девочка чувствовала себя Золушкой на балу и дрожала при мысли о том, что часы неизбежно пробьют двенадцать.

С каждым годом магия реки притягивала ее все более властно, и беспечная легкость кочевой жизни захватывала все сильнее. И с каждым годом миссис Хоукс и ее дочь проводили все больше времени в плавучем театре. О регулярном посещении школы не могло уже быть речи. Чтобы Магнолия не осталась круглой невеждой, Партинья решила использовать собственный педагогический опыт и стала учить ее сама. Эти уроки почти всегда заканчивались дурным настроением, слезами и бесконечными упреками.

– Девятью семь, говорят тебе... Да нет же. Пятьдесят шесть быть не может уж хотя бы потому, что ты только что сказала мне, что восемью восемь – пятьдесят шесть. Пожалуйста, смотри в книжку, а не в окно... Маджи Хоукс, право, мне кажется иногда, что ты просто-напросто идиотка!

Магнолия хмурилась.

– Мне несколько не интересно, сколько будет девятью семь, – отвечала она. – Элли тоже не знает этого. Я ведь спрашивала ее. Она сказала, что у нее никогда не бывает ничего по девять штук сразу, а тем более по девятью семь. Элли самая прекрасная женщина. За исключением Джули, впрочем, и меня – когда я улыбаюсь. Кстати, я вовсе не Маджи Хоукс.

– А кто же ты, в таком случае?.. Если вы еще раз позволите себе говорить со мной таким тоном, юная леди, я вас непременно высеку!

– Я Магнолия... Магнолия... гм... Фамилия должна быть очень, очень красивая. Ни в коем случае не Хоукс.

Магнолия жестом пыталась показать, как красива должна быть ее будущая фамилия.

Что касается географии, то Магнолия, скорее, не учила ее, а, если можно так выразиться, переживала. Плавая по рекам, она тем самым изучала родную страну. Она изучала также живущих в ней людей. Девочка узнала многое: всевозможные легенды, негритянские песни, голоса птиц, штурманские правила, изрядное количество ругательств, нравы закулисной жизни и репертуар театра, в котором были: «Ист Линн», «Тайны леди Одлей», «Буря и солнце», «Испанские цыганки», «Мэдкеп Марджери» и «Хижина дяди Тома».

Да, то были чудесные дни! Они были бы, конечно, еще чудесней, если бы не Партинья, женщина с каменным сердцем, считавшая своим долгом следить за тем, чтобы ребенок был сыт, опрятно одет и спал достаточно часов в сутки. Правда, внимание Парти Энн то и дело отвлекалось от Магнолии. Без тени смущения миссис Хоукс вмешивалась решительно во все, а надзор за поведением и нравственностью команды «Молли Эйбл» она просто вменила себе в обязанность. Никто не мог безнаказанно выкурить последнюю трубку или в задумчивости поплевать в реку. Благодаря этому, Магнолия пользовалась на воде значительно большей свободой, чем на суше.

На всех реках утвердилось мнение, что «Цветок Хлопка» – театр, где царят дисциплина и порядок, прекрасно ведется хозяйство и что кормят на нем превосходно. Рассказывали также, что за кулисами и на дверях каждой уборной красуется надпись: «Актрисам выходить на палубу в капотах строго воспрещается» и что служащий на «Цветке Хлопка», уличенный в пьянстве, немедленно получает расчет и что, наконец, супруга капитана Энди Хоукса – сущая чума. Все это, впрочем, была чистая правда.

Жизнь Магнолии представляла собой очаровательную смесь безалаберности и порядка, реального и вымышленного. Плавающий театр стал для нее родной стихией. И только благодаря Партинье артистам труппы не удалось

окончательно испортить Магнолию.

Миссис Хоукс не могла попасть в такт лениво-безалаберному ритму жизни плавучего театра. Это было ясно даже Магнолии. В первую же неделю первого путешествия она слышала, как мать ее спрашивала Джули:

– Который час?

Миссис Хоукс бегала с одного конца парохода на другой, поглощенная какими-то делами. Джули полулежала в низком кресле, задумчиво смотрела на желтоватую и бурную воду Миссисипи.

– Не все ли равно? – произнесла она своим глубоким и томным голосом, не подняв даже глаз на жену капитана.

В этих четырех словах заключался весь божественно-беспечный символ веры театральной труппы.

В некоторых городах плавучий театр останавливался только на один вечер, в других – стоял по неделям. Были и такие, куда он возвращался из года в год и где, благодаря этому, стал добрым старым знакомым. Его встречали радостно и провожали с искренним сожалением.

Плавучий театр редко путешествовал по ночам. Вот почему команда буксирного парохода «Молли Эйбл» вела беспрестанную войну с артистами «Цветка Хлопка». Покончив с дневной работой и зная, что им придется встать с рассветом, матросы ложились спать рано. Завтрак подавался им в половине пятого или в пять. Актеры же ложились не раньше двенадцати и даже часа, а завтракали в девять. Они постоянно жаловались на то, что буксир и его команда мешают им спать по утрам своими свистками, гудками, грохотом громкими криками и отчаянной возней. Команда буксира, в свою очередь, высказывала неудовольствие по поводу того, что ей приходится засыпать под шум расходящейся публики и полуночные разговоры актеров. Нервы же участников спектакля, разумеется, бывали слишком возбуждены, чтобы они могли разойтись по своим спальням тотчас же после окончания представления.

– Проклятые комедианты! – ворчали члены экипажа, пытаясь заснуть.

– Мерзкие горлодеры! – возмущались актеры, разбуженные на заре. – Они так стучат и галдят потому, что просто не умеют говорить по-человечески!

Эта вражда вносила некоторую остроту в атмосферу, которая без этого могла бы показаться несколько пресной.

За исключением репетиций и спектаклей, в которых она, разумеется, не участвовала, жизнь Магнолии была тесно слита с жизнью артистов. Как для них, так и для нее, плавучий театр был родным домом. В нем они ели, спали, работали. Они обязаны были вовремя завтракать, обедать, ужинать, репетировать и давать спектакли. Все остальное нисколько не касалось их.

Завтрак подавали в девять часов утра. Поскольку за этим следила Парти Энн, об опозданиях не могло быть и речи. По утрам артисты выглядели, скажем менее эффектно, нежели вечером. Тот, кто смотрел накануне вечером спектакль и восхищался Элли, иначе говоря мисс Ленорой Лавери, в роли златокудрой, прекрасной и невинной Бесси, которая, как выяснилось в последнем акте, вовсе не дочь дровосека, а леди Кларисса Трелоуни, тот, по всей вероятности, был бы несколько разочарован, увидав ее утром в столовой «Цветка Хлопка»... Детски наивный взгляд ее больших голубых глаз, придававший ей на сцене необычайную привлекательность, объяснялся сильной близорукостью, из-за которой в обыденной жизни она принуждена была носить очки в серебряной оправе. Ее утренний туалет, хоть и не без претензии на изящество, отнюдь не отличался свежестью и чистотой. Из-под шелкового чепчика, украшенного кружевами, торчали папильотки. Несмотря на некоторую неряшливость и своеобразие туалета, она все же была, бесспорно, и очаровательна, и красива. Муж ее, в частной жизни Шульци, а по сцене Гарольд Уэстбрук, играл героев-любовников и исполнял обязанности режиссера. Это был довольно застенчивый молодой человек, носивший очень узкие брюки и высокие, всегда слишком широкие воротнички.

Парти Энн, тоже в чепчике, из-под которого тоже торчали папильотки и который сильно смахивал на боевой шлем, разумеется, являлась в столовую раньше всех и первая усаживалась за свой небольшой стол. Так, должно быть, сидела она за учительской кафедрой в Новой Англии, поджидая мальчишек, задержавшихся из-за холода или других, менее уважительных причин.

Магнолия была из тех детей, для которых завтрак не представляет никакого интереса. Будь на то ее воля, она никогда не ела бы вовремя. Большей частью

она появлялась в столовой одной из последних, на черных волосах ее сверкали капельки воды, попавшей на них во время умывания, а глаза горели нетерпением поскорей поделиться с кем-нибудь очередными новостями.

– Док говорит, что за нами идет грузовой бот, а на нем крохотный ребеночек! Ну, не больше, чем...

– Пей молоко.

– ...кукла. Док говорит, что ребеночек этот родился на боте, и клянется, что ему не больше недели! Ах, как мне хочется, чтобы они остановились где-нибудь по...

– Ешь поджаренный хлеб с яйцом.

– Я не хочу яйца!

– Ешь!

Энди опаздывал еще больше, чем Магнолия. Он ел быстро и рассеянно. Пока он пил кофе, его быстрый ум поспевал всюду, и можно было только удивляться тому что его маленькое, упругое тело остается более или менее неподвижным, а не уносится вслед за его мыслями в рубку, в машинное отделение, в город или даже к следующей пристани. Кончал он завтракать всегда первым и тотчас же вставал из-за стола, поглаживая на ходу бачки.

Вовремя или с опозданием, но всегда вместе появлялись Джули и Стив. Стиву, при его высоком росте, приходилось сильно нагибаться, чтобы не ушибиться о поперечные балки, которые, как читатель помнит, были расположены очень низко. И Джули и Стив – оба были артисты на характерные роли. Джули большей частью играла авантюристок или старших сестер, это была очень талантливая и тонкая актриса, несомненно лучшая в труппе. Порою, когда она смотрела на малоосмысленную, невыразительную игру Элли, что-то похожее на презрение пробегало по ее выразительному лицу.

Стив играл злодеев, и настолько плохо, что всегда сидел бы без работы, если бы не Джули. Он был высок, белокур и почти совершенно лишен художественного чутья. Его добродушное спокойствие, светлые волосы и доверчивые синие глаза

делали неправдоподобными совершаемые им злодеяния. Джули натаскивала его с неиссякаемым терпением. Со временем он стал играть лучше. Но все-таки оттенки, акценты – так и остались совершенно недоступны ему.

Джули и Стив очень любили друг друга. Остальные актеры иногда поддразнивали их. Очень редко впрочем, ибо влюбленные выслушивали такого рода шутки не слишком благосклонно. Отношения между ними были вообще таковы, что посторонний человек чувствовал себя в их присутствии немного неловко. Когда они смотрели друг на друга, между ними пробежал какой-то ток, который невольно ощущался и третьим лицом. В глазах Джули, глубоко посаженных и совсем черных, было какое-то особенное, не передаваемое словами выражение. Магнолия любила смотреть в их нежную и бездонную глубину.

Однажды девочка видела, как они целуются. Это было на палубе, в темноте. Стив долго держал в своих объятиях Джули. Они молчали. Ее хрупкое тело как будто слилось с его высокой фигурой. Глаза Джули были закрыты. Когда он наконец отпустил ее, она выглядела совершенно отрешенной, затуманенный взгляд не отрывался от любимого. Вскоре они заметили рядом с собой маленькую девочку, которая была настолько поражена, что не могла двинуться с места. Джули тихонько рассмеялась. Она не зарделась от стыда, нет. Но ее бледные щеки сделались на тон теплее и ярче, как янтарь, сквозь который вдруг стало просвечивать золото. И без того большие глаза ее стали огромными.

– Почему вы такая смешная? – спросила Магнолия.

Эта маленькая особа вообще отличалась прямолинейностью.

– Смешная? – отозвалась Джули.

– Да.

– От любви, – просто сказала Джули.

Магнолия не поняла смысла ее слов, но запомнила их.

Кроме инженю Элли, первого любовника Шульци, характерных актеров Джули и Стива, были еще мистер и миссис Минс, Фрэнк и Ральф. Мистер Минс играл банкиров, скряг, старых охотников и иногда простаков. Его жена исполняла роли знатных вдов, матерей, дуэний и кумушек. Фрэнк и Ральф были на вторых ролях. Элли и Шульци обедали за одним столом с Хоуксами. Остальные – за длинным столом в середине.

У Джули была обезьянка, которую она купила в Новом Орлеане у какого-то смуглого матроса с серьгой в ухе, только что вернувшегося с экватора. Она часто приносила зверька в столовую, держала его все время на руках и кормила с собственной тарелки. Кроваткой обезьянке служила старая муфта, из глубины которой выглядывала ее мордочка, похожая на личико старого-престарого ребенка; темные глаза обезьянки были всегда печальны.

– У каждого порядочного человека пропадет аппетит, – ежедневно заявляла Парти Энн, – при виде того, как она ест из одной тарелки с этой отвратительной крысой.

– Что ты, мама! Да ведь это вовсе не крыса! Это обезьянка! Ты сама отлично это знаешь! Джули говорит, что Шульци может привезти мне такую же, если я пообещаю хорошенько заботиться о ней.

– Пусть только попробует! – резко оборвала Партия размышляющую дочь.

О приближении плавучего театра возвещал вой сирены, которой капитан Энди гордился. И действительно, звук, издаваемый ею, был так громок, что его слышно было за целых пять миль. Когда плавучий театр приближался к пристани, выстроившиеся на палубе музыканты начинали свою программу.

К одиннадцати часам утра они надевали ярко-красные куртки с великолепными золотыми галунами и медными пуговицами. Обычные, будничные брюки, составлявшие нижнюю часть костюма, по эстетическим представлениям были неприемлемы для Магнолии. Контраст между этими брюками и ярко-красной, расшитой золотом курткой был разителен. Несуразность костюма особенно бросалась в глаза при взгляде на барабанщика, голова которого в отличие от других музыкантов была увенчана не простой шапкой, а внушительных размеров и придававшей ему свирепый вид черной, косматой (правда слегка потертой) меховой папашой, удерживаемой с помощью ремешка, который застегивался под

подбородком. Барабанщик Пит работал в машинном отделении. Он вылезал оттуда в последнюю минуту, весь покрытый сажой, хватал барабан, на ходу застегивал куртку и моментально превращался из невзрачной вороны в ту яркую птицу, которую называют кардиналом.

Состав оркестра был таков: два рожка, кларнет труба, альт (особенно нравившийся Магнолии: умпа-умпа-та-та-та, умпа-умпа-та-та-та!), литавры и большой барабан. Когда город спускался к самому причалу, музыканты (они же команда на «Молли Эйбл») ничего не имели против исполнения своих обязанностей. Но если город находился на расстоянии мили, или даже больше, от места стоянки плавучего театра и оркестру приходилось долго шагать по пыльной дороге, концерт превращался для музыкантов в настоящую пытку. Расстегнув куртки, сняв шапки, обливаясь потом, тащились они, изнемогая под тяжестью инструментов. Перед тем как войти в город, музыканты застегивали куртки, утирали пот с лица, надевали шапки и выпрямляли усталые плечи. Ноги в серых, коричневых и черных брюках начинали двигаться в такт музыке. Из утомленных, забитых, унылых работяг они превращались в каких-то романтических героев. Барабанщик гордо выпячивал грудь и вызывающе поднимал голову и плечи.

При появлении музыкантов в окнах гостиниц показывались женские лица; с сильно бьющимися от восторга сердцами дети гурьбой высыпали из школ; приказчики, в черных сатиновых фартуках и клеенчатых нарукавниках, выходили на порог лавок; хозяйки бросали свои кастрюли и спешили к окнам; бездельники выбегали из кафе и, разинув рты, шурились на солнце. Громкая и радостная музыка пробуждала маленький городок от летаргического сна, и в течение часа он жил яркой жизнью. Даже старые, заморенные, искусанные мухами лошади двигались по улицам как-то бодрее, в их потухших глазах появлялся блеск, и они весело прядали ушами. Выискав самое людное место на главной улице оркестр останавливался и давал концерт. Лучи полуденного солнца сверкали на блестящей поверхности медных инструментов.

Капитан Энди никогда не уходил с парохода вместе с музыкантами, но в городе он всегда оказывался одновременно с ними. В этом было нечто таинственное, можно было подумать, что он переносится в город по воздуху, но тот факт, что к началу концерта он бывал тут как тут, неоспорим. В синей куртке, измятых полотняных брюках, в белой парусиновой фуражке с кожаным околышем, веселый, взволнованный, оживленный, блестя глазами, он стоял подле музыкантов и теребил свои бачки, а в руках обыкновенно держал пачку афиш.

После того как оркестр исполнял несколько веселых номеров, капитан Энди произносил речь. Он умел и любил говорить. Что-то очень привлекательное было в его стройной маленькой фигурке, а остроумные шутки часто вызывали громкий смех.

- Бесподобная труппа... Такой труппы на реке еще не было... Замечательные декорации и костюмы. Мисс Ленора Лавери... необыкновенный талант... только что имела колоссальный успех на Востоке... После спектакля концертное отделение... пение и танцы... спешите покупать билеты!..

По окончании речи оркестр снова начинал играть. Протискиваясь через толпу, капитан Энди с необыкновенной быстротой раздавал направо и налево театральные афиши, здоровался со случайными знакомыми, гладил мимоходом по щеке какую-нибудь детскую мордашку и все время во всеуслышанье расхваливал назначенное на вечер представление. Через полчаса оркестр, не переставая играть, пускался в обратный путь.

В четыре часа на «Цветке Хлопка» подавали обед, который обычно проходил оживленно. Перед обедом и непосредственно после него артисты принадлежали себе и могли заниматься чем угодно. Актрисы читали или занимались рукоделием. Им часто приходилось шить себе новые костюмы или переделывать и подновлять старые. Злостная авантюристка, строившая на утреннем спектакле всевозможные козни, мирно штопала носки своего супруга. После обеда многие уходили в ближайший городок погулять или купить что-нибудь: катушку ниток, мятных лепешек или зубную щетку. Беспечные актеры редко действовали по заранее обдуманному плану. Иногда, особенно весной, они бродили по лесам, любуясь молодой, распускающейся зеленью, удили рыбу – правда, кроме пескарей, им редко что удавалось поймать. В жаркие дни много купались. Для большинства из них вода была почти родной стихией. Все они были веселы и никогда не унывали. Почти каждый из них играл на каком-нибудь инструменте – на рояле, скрипке, флейте, банджо или на мандолине.

Около шести часов вечера в плавучем театре начинало чувствоваться легкое волнение, казалось, электрический ток пробежал с одного конца судна на другой. Из леса, из города, с набережной возвращались артисты. Они сновали в проходах, входили в свои уборные, выходили на сцену. Несмотря на долгие годы работы, пульс каждого артиста перед началом спектакля бился учащенно. Слышались звуки настраиваемых инструментов. Когда половина публики была уже в сборе, музыканты давали небольшой концерт на верхней палубе, музыка

частенько прерывалась звуками сирены.

Дневной спячки как не бывало. На сцене устанавливались декорации. Раздавались крики:

- Поднимай выше!.. Спусти!.. Отодвинь назад! Ближе!

Наконец наступали сумерки. Док начал зажигать в зрительном зале керосиновые лампы со сверкающими металлическими рефлекторами. Магнолия особенно любила этот час. Она радовалась шуму, яркому свету, музыке, толпе. И как раз в это время она должна была идти спать. В продолжение первых месяцев их жизни на воде между миссис Хоукс и Магнолией происходили по этому поводу ежедневные стычки. Сначала миссис Хоукс неизменно одерживала победу.

- Позволь мне посмотреть только первый акт, тот где Элли так громко кричит!

- Ни за что!

- Ну хоть дождаться, пока поднимется занавес!

- Если вы сейчас же не отправитесь в постель, сударыня, я не отпущу вас завтра с Доком в разбойничью пещеру. Это мое последнее слово!

Рассказы Дока из жизни речных пиратов, хоть и жуткие, доставляли Магнолии удовольствие, от которого мурашки то и дело пробегали по спине. В поисках следов кровавых преступлений они совершили ряд экспедиций по всему берегу между Малым Египтом и Луизианой.

Лежа в постели с широко раскрытыми глазами, девочка пыталась уловить слова диалога, доносившегося с балкона и, как правило, отличавшегося необыкновенной наивностью. Зрители смотрели с неослабевающим вниманием такие пьесы, в которых воспроизводились все основные человеческие чувства – ненависть, любовь, месть, отчаяние, надежда, радость, ужас.

- Вы будете еще валяться у меня в ногах, моя гордая красавица!

– Никогда! Я скорее умру, чем приму помощь от человека, руки которого обогреты кровью.

Однажды, руководимая, несомненно, материнским инстинктом, Партинья тихонько пробралась в комнату Магнолии и, к своему великому ужасу, нашла клетку пустой и птичку упорхнувшей. Девочка ухитрилась открыть замок, который миссис Хоукс считала абсолютно надежным, и пробралась на верхнюю палубу, находившуюся как раз над ее комнатой. Оттуда она пролезла на узкий и шаткий выступ, едва защищенный низкой загородкой, стоя на котором можно было смотреть из окна на сцену. У этого-то окна, в платке, накинутом поверх ночной сорочки, и в ночных туфлях, и нашла ее миссис Хоукс. В довершение несчастья, Магнолия была не одна, а в обществе нескольких ободранных мальчишек, которые, не имея денег, чтобы заплатить за удовольствие, ухитрились пробраться на это, правда несколько опасное, но зато бесплатное место.

Однако запрет присутствовать на спектаклях был постепенно отменен. Миссис Хоукс поняла, что в плавучем театре девочку невозможно воспитывать, как в маленьком провинциальном городке.

Магнолия никогда не уставала смотреть наивные и кровавые драмы из репертуара «Цветка Хлопка». К тринадцатилетнему возрасту она знала все пьесы наизусть и могла бы сыграть все, что угодно, начиная от Симоны Легри и кончая Леной Риверс.

Но больше всего любила она наблюдать за публикой. Не отдавая себе отчета в этом, ее детский ум пытливо изучал людей, населяющих родную страну. Впрочем, столь своеобразную публику вряд ли можно было бы встретить в каком-нибудь ином месте. Здесь рядом сидели фермеры, земледельцы, негры, женщины, дети, влюбленные парочки, шалопаи, грузчики, жители лесов и побережий, матросы, профессиональные игроки. Угольные районы поставляли самых грубых и неотесанных зрителей. Актеры побаивались публики из городов Виргинии и Пенсильвании; в местечках на реках Мононгаэлле и Канауа публика устраивала иной раз такие кровавые потасовки, что перед ними бледнели ужасы, разыгрываемые актерами.

В половине седьмого берег и пристань бывали, обыкновенно, усеяны зеваками, нищими и босоногими мальчишками, жаждущими перехватить хоть какие-нибудь крохи от того пиршества, которое было им не по карману. Они с

жадностью слушали музыку, любовались ярким освещением, наблюдали за суматохой, словом, ловили все, что долетало к ним из того, другого мира, сверкавшего в окнах плавучего театра.

От сходней парохода до верхней части обрывистого берега дорога освещалась факелами. Магнолия знала, что это простые керосиновые факелы, и все-таки их дымно-пурпурный свет каждый раз создавал приподнятое настроение. На фоне темных деревьев на темном небе, а также зловещей загадочной рекой, они действительно производили впечатление какого-то варварского великолепия. Их вид пробуждал в девочке что-то первобытное и дикое, унаследованное от далеких предков. Она, конечно, не сознавала этого и безотчетно любила причудливо пляшущие тени и оживлявшие их языки пламени. В этом слиянии света и мрака скользили, карабкались, неслись человеческие фигуры. Белки у негров казались еще белее. Черная кожа их приобретала оттенок, в котором смешались медь, бронза и красное дерево. Покрытые сажой углекопы и их истощенные жены в платочках, фермеры, мукомолы и дровосеки, рабочие с хлопковых плантаций Теннесси, Луизианы и Миссисипи, мелкие торговцы, разносчики, влюбленные парочки – все, словно по мановению волшебного жезла, превращались в великанов, сказочных принцесс, ведьм, гномов, добрых и злых духов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. hawk – ястреб.

Купити: https://tellnovel.com/ferber_edna/plavuchiy-teatr

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)